

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Зав. кафедрой ФЦА, к.ф.н.
_____ Э. В. Афанасьева
« _____ » _____ 2014 г.

Жамсоев Амгалан Дашиевич

**Сравнительно-сопоставительный анализ глагольной морфологии
диалекта нижнеудинских бурят и языка ононских хамниган
(дипломная работа)**

Научный руководитель:

_____ Бадагаров Ж. Б.

Автор работы:

студент гр. 10291 ВИ БГУ

_____ Жамсоев А.Д.

Улан-Удэ

2014

Содержание

1. Введение

1.1. Этнографический обзор

1.2. Особенности фонетики

3. Категория залога и вида

3.1. Залог

3.1.1. Страдательный

3.1.2. Побудительный

3.1.3. Совместный

3.1.4. Взаимный

3.2. Вид

3.2.1. Начинательный

3.2.2. Длительный

3.2.3. Завершенный

4. Инфинитные глагольные формы

4.1 Причастия

4.1.1. Причастие прошедшего времени

4.1.2. Однократное причастие

4.1.3. Многократное причастие

4.1.4. Причастие настояще - прошедшего времени

4.1.5. Постоянное причастие

4.1.6. Причастие будущего времени

4.2. Деепричастия

4.2.1. Сопутствующие деепричастия

4.2.1.1. Соединительное

4.2.1.2. Слитное

4.2.1.3. Разделительное

4.2.2. Обстоятельственные деепричастия

4.2.2.1. Условное

4.2.2.7. Целевое

4.2.3. Смешанные деепричастия

4.2.3.1. Предельное

4.2.3.2. Продолжительное

5. Финитные глагольные формы

5.1. Настояще-будущее время

5.2. Прошедшее время

5.3. Будущее время

Заключение

Введение

Данная дипломная работа посвящена исследованию глагольной морфологии диалекта нижеудинских бурят и языка ононских хамниган – уникальных и своеобразных во многих отношениях, в том числе и в плане глагольной морфологии.

Нижеудинские буряты и ононские хамниганы – две части бурят-монгольского народа, разделенные между собой огромным расстоянием — более 4000 км. Оба субэтноса вышли из Халха-Монголии в период смут, около 250 [1930] и 400-350 лет назад [1968], соответственно, и благодаря этому их языках сохранилось много черт присущих разговорным диалектам XVIII века.

Состояние изученности проблемы. Язык нижеудинских бурят впервые был описан в работе Кастрена [1857], где нашли отражение отдельные грамматические формы нижеудинского говора, а в его небольшом бурятско-немецком словарице, включающем примерно около 2580 слов, из нижеудинского говора насчитывается до 1220 слов.

После Кастрена опубликована работа проф. Г. Д. Санжеева [1930], посвященная фонетическим особенностям нижеудинского говора. В ней автор, кроме интересных данных языка, впервые очень кратко знакомит читателя с точным территориальным расположением, численностью и родовым составом носителей нижеудинского говора.

В 1958 г. и в 1960 г. нижеудинских бурят посетила А. А. Дарбеева [1960], которая в дальнейшем совершила ряд поездок к ним и собрала значительный лингв и стический и фольклорный материал.

В 1999 году была выпущена монография В. И. Рассадина [1999], посвященная становлению языка нижеудинских бурят как говора. В работе был дан полный обзор языка нижеудинских бурят в сравнительном освещении с другими диалектами бурятского языка.

Важнейшей проблемой современной бурятологии и монголистики является попарное сравнение отдельных монгольских языков, применительно к нашей работе, отдельных бурятских диалектов, которое поможет выявить возможную близость или поздние ареальные контакты внутри монгольской группы. Это позволит исследователям глубже понять внутренние и внешние факторы и закономерности их развития, Особенно интересным это становится в контексте исторических связей, которые могли иметь место в прошлом. Именно этим объясняется выбор темы и **актуальность** данной дипломной работы.

Цель данной дипломной работы выявить общие и разностные черты в глагольной морфологии указанных идиом, что позволит в будущем уточнить характер их языковых связей, что однако лежит вне фокуса данной работы.

Исходя из целей, **задачами** данной работы будут:

- 1) Сравнить и сопоставить обе идиомы в плане категории залога и вида.
- 2) Сравнить и сопоставить обе идиомы в плане финитных форм глагола
- 3) Сравнить и сопоставить обе идиомы в плане инфинитных форм глагола

Данная работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения. В главах дан сравнительно – сопоставительный анализ глагольной морфологии. В приложении приведена статья Л. Мишига о хамниганских диалектах Монголии [1959], а также переводы некоторых глав статьи на английском языке «Khamnigan Mongol», за авторством Юхи Янхунена [2003].

Этнографический обзор

По данным Г. Д. Санжеева [Санжеев, 1930, с. 2], нижеудинцы, по их смутным преданиям, перекочевали из Монголии около 250 лет тому назад, видимо, в результате движения ойратов. О деталях этой перекочевки их предания молчат.

По своему этническому составу, как утверждает Г. Д. Санжеев [1930, с. 3], эти буряты делятся на следующие роды: кхотомут, тумёшэ, шарат, кулмёнгё, манжирак, туралак, кхоршон. Последние два рода собственно и бежали из Монголии, остальные же являются элементами адаптированными: кулмёнгё и шарайт прибыли, без сомнения, из Унги, где эти роды имеются; род манжирак, вероятно, тюркского происхождения 'об остальных сказать что-либо очень трудно' и встречается также среди дархатов у Косогила. Далее Г. Д. Санжеев пишет: "В порядке гипотезы я допускаю мысль, что основная масса нижеудинцев состоит из беженцев из Западной Халхи, где, быть может, существовали как и ныне некоторые диалекты, которые представляли нечто среднее между ойратским и халхаским языковыми мирами, чем, возможно, и следует истолковать фонетические особенности в НУ. Ныне тамошние буряты вместе с русскими составляют Солонецкое сельское общество с общим сельсоветом во главе и живут в трех улусах: Кушум, Порог и Мунгэтэ-Булак, которые расположены в 40-90 км к югу от г. Нижнеудинска. Эти улусы по внешнему виду ничем не отличаются от русских селений сибирского типа. Юрты почти не сохранились; внутреннее убранство и обстановка избы нижеудинца ничем не напоминают бурятские жилища, все русское. [Санжеев, 1930, с. 2], [Рассадин, 1999, с. 6].

Хамниганы являются одной из этнографических групп Забайкалья. Их язык относится к северной группе монгольских языков, и считается одним из самых архаичных монгольских языков. [Janhunen, 2003, с. 433]

Основная масса хамниган ононской группы проживает в Кырин-

ском (села Алтан, Кыра, Бырка, Шумунда, Тарбальджей, Мангут, Ульхун-Партия), Акшинском (с. Курулга), Дульдургинском (села Узон, Токчин) и в Агинском (с. Гунуй) районах Читинской области. Полностью заселены хамниганами Тарбальджей, Курулга, Узон, Токчин и Гунуй, в остальных — они проживают попеременно с русскими. Общая численность ононской группы хамниган составляет около пяти тысяч человек [Дамдинов, 1968, с. 74].

Нерчинско-урульгинская группа забайкальских хамниган проживает в Могойтуйском, Карымском, Шилкинском и Оловянинском районах. Большая часть урульгинских хамниган за последние годы переехала из Шилкинского и Карымского районов в Могойтуйский. Численность шилкинских и карымских хамниган с переселившимися в Агинский округ составляет несколько сот человек [Дамдинов, 1968, с. 74]. Хамниганы-буряты проживают также в восточной части Агинского округа: в колхозах им. Кирова 'Хара-Шибирь' более 20 семей, «Путь Ильича» 'Цаган-Ола' — 15 семей, «Красный Октябрь» и «Улан-Одон» 'Уртуй' — более 20 семей. Все они являются выходцами с бассейна реки Турги 'бывшей территории Шундуинской инородческой управы Урульгинской степной думы' и по этническому составу относятся большей частью к восточным и западным улятам, сартулам, долотам, намятам и др. Эти хамниганы перекочевали сюда в 1930-х годах, когда проводилась работа по укрупнению колхозов. На старых местах жительства осталось более 20 семей. Эти хамниганы считают себя бурятами и разговаривают на бурятском языке [Дамдинов, 1968, с. 74].

Относительно происхождения самого названия и этимологии слова «хамниган» существуют различные мнения. Многие исследователи склонны считать хамниган тунгусами 'эвенками', хотя общего между ними мало [Дамдинов, 1968, с. 74].

В 60-х годах XVII столетия с поселением князя Гантимура на территории Забайкалья и с установлением ему удела нерчинских тунгусов в

его ведомство были зачислены ононские хамниганы и немногочисленные «бродячие тунгусы» из родов дулигат, вакасил, луникер и пуцагат ‘почегор’. Местные жители старшего поколения утверждают, что в урочище Бырка «бродячие тунгусы» примкнули к ононским хамниганам^[1] и ассимилировались с ними. Хотя определение ононских и нерчинских хамниган как тунгусов с их омонголившимся языком давно закрепилось в научной литературе, однако, как кажется, оно не имеет мотивированного обоснования [Дамдинов, 1968, с. 74].

Предварительное знакомство с материалами о хамниганах, изучение легенд и преданий о них дает повод считать, что словом «хамниганы» сначала обозначалась одна из этнических групп монголов и лишь впоследствии среди бурят это название распространилось на тунгусов ‘эвенков’. Подобная версия высказывалась К. Урай-Кёхальми [1964, с. 163], К. В. Вяткиной [1960, с. 245], Г. Н. Потаниным [1833, с. 313].

В статистических данных Забайкалья XVII—начала XVIII вв. хамниганы числились монголами, составляя всего лишь 7500 человек. Из материалов Куломзинской экспедиции видно, что все ононские хамниганы считали своими родными языками и бурятский, и монгольский языки со значительным преобладанием последнего. В материалах переписи 1897 года имеются сведения о том, что все тунгусы, проживающие по Онону и по китайской границе, окончательно обурятились, хотя и живут совместно с русскими, и настолько подверглись влиянию соседних бурят, что почти не отличаются от них [Дамдинов, 1968, с. 74].

Б. О. Долгих [1960, с. 616-617] и С. К. Патканов [1906, с. 86-184-185] в своих работах утверждают, что многие роды забайкальских хамниган, хотя и входили в тунгусское ведомство князей Гантимуровых, являются монгольскими.

К. Урай-Кёхальми, занимавшаяся исследованием этногенеза хамниган Монгольской Народной Республики и Забайкалья, во изменение ранее сложившегося взгляда, пришла к выводу, что «...они ‘хамниганы’

представляют собой различные тунгусские и монгольские элементы, слившиеся в одну этническую группу»[1964, с. 161].

Академик Б. Ринчен 'МНР' также пишет о смешанном составе хамниган, Монголии «тунгусские и монгольские роды»[Ринчен, 1968, с. 17].

В настоящее время образ жизни, материальная и духовная культура, традиционные праздники, обычаи ононских хамниган и бурят ничем не отличаются. Буряты и ононские хамниганы ранее занимались в основном натуральным кочевым скотоводческим хозяйством. Основу хозяйства составляло разведение скота: овец, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов. Как и у других монгольских племен, у них была развита обработка кожи и меха, идущих, главным образом, на пошивку одежды и обуви. Из кожи изготовляли почти всю верхнюю одежду, вплоть до брюк. Часть обработанной кожи шла на утварь: делались всевозможные походные мешки, сумы и другие изделия. Также у них было развито прядение шерсти и вязание, валяние войлока и т. д. Из готового войлока собиралась юрта. Часть его использовалась на разного рода потники и другие мелкие вещи. Материальная культура хамниган была одинаковой с бурятской и монгольской. Все население хамниган круглый год проживало в решетчато-войлочных юртах монгольского типа. Кроме юрт, каждая семья имела тонкостенный летник походного типа. Скучная мебель, сделанная мастерами-хамниганами, состояла из деревянной кровати, сундуков и ящиков, разборного буфета, киота для бурханов, маленьких низеньких продолговатых столиков и стульчиков, разборных настилов и т. д. Почти вся посуда была деревянной, кроме чугунов и котлов. Забайкальские хамниганы носили одежду, сходную с одеждой бурят и монголов. В начале нашего века у более состоятельных хамниган начали появляться деревянные стационарные дома [Дамдинов, 1968, с. 78].

За советский период, в результате переустройства хозяйства произошел массовый переход ононских и урульгинских хамниган на оседлый образ жизни. Выросли поселки и селения. Все население теперь жи-

вет в деревянных домах с мебелью русского типа, но сохранились еще и юрты. Практически вытеснена традиционная одежда, ее теперь одевает только старшее поколение.

Итак, по мнению большинства исследователей, хамниганы Забайкалья «главным образом олонские» являются обурятавшимися племенами, состоящими из монгольских и частично тунгусских родов.

Особенности фонетики

Для целей нашего изложения считаем необходимым дать краткую характеристику основных особенностей фонетики рассматриваемых идиом. При этом мы опираемся на уже существующие труды, такие как [Дамдинов, 1968, с. 79], [Рассадин, 1999, с. 17], [Janhunen, 2003, с. 433] Кроме того, мы считаем, что для удобства изложения достаточно использовать кириллический алфавит на базе существующей бурятской орфографии с добавлением отдельных знаков (в частности из калмыцкого) для отражения особенностей рассматриваемых говоров и языков.

Особенности фонетики нижнеудинского говора:

1) В области вокализма обращает внимание долгий аэ (ээ), который, как правило, палатализует предшествующий согласный, например: *сээн* 'здравствуй' ср. СТПМЯ *sayin*, *бээна* 'стоит' ср. СТПМЯ *bayin=a*, *урээ* 'прежде, раньше' ср. СТПМЯ *urai*, *нээша* 'сюда' ср. СТПМЯ *inaysi* и т. д.

2) В нижнеудинском говоре тенденция монофтонгизации дифтонгов вообще очень сильна и гораздо ярче выражена, чем в прочих бурятских говорах, хотя имеются и нисходящие дифтонги *ай, ой, уй*.

3) Интересно отметить сохранение звука *и* после шипящих *ж/ш < *ji/si* в первом слоге, тогда как в прочих бурятских говорах и подвергся так называемому перелому.

4) В НУД обычно не встречается слов с начальным *й*.Согласным *х* < *q в хоринском и *с* < *q в аларском соответствует *т* < *q в любой позиции в нижеудинском.

5) В нижеудинском говоре, как и в некоторых западных, наблюдается выпадение *h* в исходном падеже, например: *мориноо* ‘с коня’ ср. СТПМЯ *morin*=*аца*, *гэрээ* ‘из дома’ ср. СТПМЯ *ger-eče* вместо обычных в бурятском языке *моринһоо* и *гэрһээ*.

Особенности фонетики языка олонских хамниган

- 1) Одной из характерных особенностей данного говора является то, что в нем исторический дифтонг эй, так же как в современном монгольском языке, еще не потерял своего дифтонгового характера; сохранение архаичной формы произношения наблюдается и у других дифтонгов, употребляемых в начале и в середине слова: *ай, ой, уй, үй*. Эта особенность ярко выражена в речи хамниган сел Алтан и Кыра. Например: *тэйимү* ‘такой’ ср. СТПМЯ *teyimü*, *цэйидэм* ‘забеленный молоком напиток’ ср. СТПМЯ *čeyidem*, *ойимосу* ‘чулок’ ср. СТПМЯ *oyimasu*, *х^хойино* ‘позади’ ср. СТПМЯ *qoyin*=*аи* т. д.
- 2) хамниганский говор отличается от бурятского литературного языка [4, 1968: 81] в первую очередь наличием аффрикат *дж, дз, ч, ц*, которые соответствуют щелевым звукам *ж, з, ш*, стовора нижеудинских бурят; кроме того, в хамниганском говоре часто употребляются заднеязычные смычные глухие звуки *к, к'* отсутствуют среднеязычный мягкий звук *х* < *k и фарингальный *h* < *s, которые имеются в нижеудинском говоре. Вместо последнего употребляется переднеязычный щелевой звук *с* < *s. Как самостоятельные фонемы выделяются мягкие звуки *с' < *si* и *ш' < *š*.
- 3) Аффриката *дж* в слове встречается во всех позициях, кроме абсолютного ауслаута. Например: *дзаджил-* ‘жевать’ ср. СТПМЯ *jajila-*, *джиргал* ‘счастье, радость’ ср. СТПМЯ *jiryal*, *угджи* ‘соска’ ср. СТПМЯ *uji*.

- 4) Вместо звука *ш*, редко *с*бурятского языка в исследуемом говоре встречается и произносится аффриката *ч*. Первый элемент ее — сильно палатализованный звук *т'* или скорее всего среднеязычный смычный согласный звук, второй — смягченный щелевой звук *ш*. Эта аффриката на слух является сильно палатализованным звуком. За ним в большинстве случаев следует гласный звук *и*. Например: *чино/чоно* 'волк' ср. СТПМЯ *čini-a*, *чигичэи* 'мизинец' ср. СТПМЯ *čigčii*, *чилөө/цүлөө* 'свободное время, досуг' ср. СТПМЯ *čilüge*.
- 5) В словах с мягкорядными гласными во всех позициях произносится заднеязычный, глухой, сильно аспирированный звук *к*, а в словах с твердорядными гласными этот звук встречается только перед звуком *и*; в других позициях употребляется увулярный спирант *х*. Кроме того, в словах с твердорядными гласными имеет место употребление аффрикаты *к^х*. Например: *көөсү* 'пена' ср. СТПМЯ *kögesü*, *кэиидк^ху* 'веять, развеяться' ср. СТПМЯ *keyiskü*, *к^худаг* 'колодец' ср. СТПМЯ *quddu*, *к^хойир* 'два' ср. СТПМЯ *qoyar*, *к^ходкиног* 'прямая кишка' ср. СТПМЯ *qoskinau*. Заднеязычный звук *к* встречается также и в других современных монгольских языках и диалектах, в частности: в дархатском, западно-монгольском или ойратском, в монгольских языках и диалектах Китая ойратском, алашаньско-эдзинаском, хуху-норском и частично шилингольском, чахарском, ордосском, ару-хорчинском, хорчинском, харачин-тумутском говорах, в дагурском, монгольском, калмыцком языках, нижеудинском говоре бурятского языка, в монгольско-хамниганском диалекте.
- 6) Кроме заднеязычных звуков *ки* *к'*, в говоре ононских хамниган встречается заднеязычная аффриката *к^х*, смычная часть которой артикулируется неясно. Эту аффрикату можно назвать глубоко-заднеязычным согласным, образующимся в результате одновременного действия спирации и смычки более дальнего участка задней части спинки языка с мягким нёбом. По горизонтальному положению языка аффриката *к^х* как бы

стоит между звуком *к* и *х*. Эта аффриката употребляется в начале и середине слова в сочетании с твердоядными гласными вместо увулярного спиранта *х*, если за ним или за слогом с этим согласным следует палатализованный слог или согласный звук. Аффриката *к^х* не играет смысло-различительной фонематической роли и является оттенком фонемы *х*. Например: *к^хони* ‘овца’ ср. СТПМЯ *qoni*, *к^худжир* ‘солончак’ ср. СТПМЯ *qujir*.

- 7) Фонема *с'* — переднеязычный, щелевой, мягкий, глухой звук. От твердого коррелята фонема *с'* отличается дополнительной артикуляцией средней части языка. Мягкая фонема *с'* встречается большей частью в начале и в середине слова, то есть в тех позициях, где в результате перелома гласного звука *и* вместо *с'* образовался звук *ш* в бурятском и монгольском языках. Например: *көс'игу* ‘занавес’ ср. СТПМЯ *kösige*, *с'илбархаии* *ш'илбархаии* ‘содранный’ ср. СТПМЯ *silbarqai*. В литературном бурятском языке нет мягкого звука *с'*.
- 8) В ононско-хамниганском говоре в словах, имеющих мягкорядные гласные, звук *и* сохранился в начальной позиции, тогда как в литературном языке в результате перелома звук *и* уподобился звукам *э*, *у*, *ү*, а в монгольском — в словах с твердоядными гласными тот же процесс осложнен протетическим *у*. Например: *ирги* ‘берег’ ср. СТПМЯ *ergi*, *иргэ* ‘баран’ ср. СТПМЯ *irge*, *инеэку/инеэкэ* ср. СТПМЯ *iniyekü*; *индзагу* ср. СТПМЯ *injaγ-a* ‘теленос косули’.
- 9) Фонема *h* — глоттальный, щелевой, глухой звук. По происхождению связан со среднемонгольским *h*. Например: *hүкэр/хүкэр* ‘корова’ ср. СТПМЯ *üker*, *hэкин* ‘голова, начало’ ср. СТПМЯ *ekin*, *hалакан/альган* ‘ладонь’ ср. СТПМЯ *aliγan*, *hодон/одон* ‘звезда’ ср. СТПМЯ *odun*. Кроме того, фонема *h* встречается в ряде говоров монгольских хамниган и в диалекте МХ на месте фонемы *s* диалекта ононских хамниган: *hара* ‘луна’ ср. СТПМЯ *sar=a*, *миндахун* ‘шелковая нить’ ср. СТПМЯ *mindasun*. В этом мы усматриваем влияние шэнэхэн-

ского говора, носители которого переселились вместе с частью ононских хамниган, в течение нескольких лет после 1917 года.

На основе вышеприведенных данных можно уверенно сказать что НУД и ОХ, отличаются фонетически, однако тем не менее сохраняют заднеязычный *к*, свойственный среднемонгольскому языку, а также языкам ойратского ареала монгольского мира. Объединяющим эти говоры является то, что нижнеудинцы, так же как и ононские хамниганы, являются выходцами из Внутренней Монголии [Дамдинов, 1968, с. 115] и живут в иноязычном окружении в течение трех с лишним веков. Находясь в такой языковой изоляции от большинства западно-бурятских говоров, они в своей речи сохранили более древние элементы монгольского языка. Например: 1) сохранение гласного первого слога: *шинэ* вместо общепурятского *шэнэ* ‘новый’, *джиргал* — *жаргал* ‘счастье’; 2) согласный *к* древнемонгольского языка функционирует в качестве смычного *к*, а иногда как аффрикативный звук *кх*: *кхара* (НУД) вместо общемонгольского *хара* ‘черный’; *унтака* (НУД), *унтакху* (ОХ) — *унтаха* ‘спать’; *кхокир* он. хамн. вместо общемонгольского *хохир* ‘подстилка — навоз’, *кхојир* он. хамн. — *хоёр* ‘два’; 3) исторический звук *к* сохранился в переднерядном варианте: *кэлэ(н)* — (НУД), (ОХ) вместо общемонгольского *хэлэн* ‘язык’, *кээрэ* — *хээрэ* ‘поле’.

Залог

По мнению большинства исследователей монгольских языков, основное содержание залога заключается в направленности действия на объект или субъект.

В бурятском языке залог является, как, впрочем, вид, время и наклонение, грамматически оформленной категорией. В зависимости от того, на что направлено действие: на тот или иной объект или на субъект, выделяются соответствующие. залого, имеющие каждый в отдельности свое суффиксальное оформление [Цыдендамбаев, 1979, с. 84].

Если относительно русских глаголов существует мнение, о «только переходные глаголы... имеют категорию залога, так как только переходные глаголы способны изменять свои отношения с субъектом и объектом», то Санжеев, специально исследовавший залого в монгольских языках, пришел к выводу, что, в частности, «в бурятском языке непереходные глаголы наравне с переходными участвуют в образовании различных залогов, иногда не исключая и страдательного залога» [Санжеев, 1941, с. 197-198].

Однако вывод Санжеева нуждается в некотором уточнении, заключающемся в том, что в бурятском языке залого образуются главным образом от активных глагольных основ, независимо от того, являются ли они переходными или непереходными. Иначе говоря, пассивные по своей семантике глаголы большей частью не принимают залогообразующих суффиксов. Например, от глаголов *эди*- 'есть' и *гуй*- 'бегать', несмотря на то что первый из них - переходный, а второй - непереходный, одинаково образуются залоговые формы: а' побудительная - *эдюул*- 'заставить есть', *гуйл- гэ*- 'заставить бежать'; б' страдательная - *эдигдэ*- 'быть съедаемым', *гуйгдэ*- 'заниматься бегом'; в' содействовательная - *эдилсэ*- 'помогать есть', *гуйлсэ*- 'бежать заодно с кем-л.'; г' взаимная - *эдилдэ*- 'перен.' 'вести между собой смертельную борьбу', *гуйлдэ*- 'гоняться друг за другом 'о животных в период спаривания'.

Между тем такие глаголы, как *аара-* 'давать осечку 'о ружье'', *барсай-* 'быть шероховатым', *гансада-* 'оказываться в одиночестве', *хаара-* 'закрывать-ся' и т.п., будучи пассивными, как правило, не употребляются в формах залогов. Это, однако, не исключает того, что от отдельных из них при помощи суффикса побудительного залога могут быть образована активно-переходные глаголы, становящиеся в ряды залогообразующих основ: *аара-* 'давать осечку 'о ружье'' + *-уул* = *ааруул-* 'осекаться' - *ааруулга-* 'давать возможность осечься', *аарууяагда-* 'подвергаться осечке', *ааруулалса-* 'за одно с кем-л. получать осечку'.

Залог в бурятском языке представляет сложную категорию, носящую смешанный, ярко выраженный лексико-грамматический характер. Лексичность залога наглядно проявляется, в частности, в том, что глаголы, получившие залогообразующие суффиксы, оказываются в состоянии присоединять к себе словоизменительные формы глагольных времен и наклонений. Так, например, глагол побудительного залога *буудуул-* 'заставить или велеть стрелять', образованный от глагольной основы *бууда-* 'стрелять' при помощи

суф. *-уул*, беспрепятственно принимает окончания глагольных времен и наклонений: + *-на* 'суф. глаг. наст, вр.' = *буудуулна* 'заставляет стрелять'; + *'-ба* 'суф. глаг. про- шед. вр.' = *буудуулба* 'только что заставил стрелять'; + *-аа* 'суф. глаг. наст.-прошед. вр.' = *буудуулаа* 'заставил стрелять'; + *-нхай* 'суф. глаг. заверш.-прошед. вр.' = *буудууланхай* 'уже заставил стрелять'; + *-ха* 'суф. глаг. буд. вр.' = *буудуулха* 'должен заставить стрелять'; + *-ыш* 'суф. глаг. повелит, накл. ед. ч.' = *буудуулыши* 'заставь же стрелять'; + *-аарай* 'суф. глаг. увещеват. накл.' = *буудуулаарай* 'потом заставь стрелять'? + *-ая* 'суф. глаг. призывн. накл.' = *буудуулая* 'давайте заставим стрелять'; + + *-най* 'суф. глаг. желат. накл.' = *буудуулнай* 'хорошо бы, если 'он' заставил стрелять'? + *-һуу* 'суф. глаг. волев. накл.' = *буудуулһуу* 'заставлю-ка стрелять'; + *-уужа* 'суф. глаг. предостерегат. накл.' = *буудуулуужа* 'как бы 'он' не заставил стрелять'.

Почти таким же образом получают суффиксы грамматических времен

и наклонений страдательный, содействовательный и взаимный залогов, т.е. глаголы: *буудагда*- 'быть застреленным', *буудалса*- 'помогать стрелять' и *буудалда*- . 'стрелять друг в друга', 'вести перестрелку', образованные от той же основы *бууда*- 'стрелять'. Думается, что нет необходимости в перечислении всех форм этих залогов, так как приведенные выше формы побудительного залога глагола *бууда*- 'стрелять' хорошо иллюстрируют способность бурятских залогов к словоизменениям.

Грамматичность залога сказывается в том, что он в предложении выражает отношение глагола, обозначающего действие, к имени-объекту или субъекту и в зависимости от направленности этого отношения глагол получает определенную маркировку.

Согласно монографии Тодаевой Б.Х. в монгольском языке имеются залогов — страдательный, взаимный, совместный и побудительный. [Тодаева, 1951, с. 125]

Система глагола в НУД и ОХ, в своей основе такая же, как и в других бурятских говорах и литературном языке, да и вообще в северных монгольских языках, включающих, как известно, кроме бурятского еще халха-монгольский и калмыцкий 'ойратские' языки. Нижнеудинский глагол имеет те же общепурятские категории личных и неличных форм, залога и вида, причем с теми же показателями, о которых подробно сказано у Ц. Б. Цыдендамбаева, исследовавшего эти категории бурятского глагола в сравнительном освещении и пришедшего к выводу, что все они в общем-то общемонгольские и сложились в весьма отдаленную эпоху. [Цыдендамбаев, 1979, с. 140]

Анализ глагольных основ, употребляющихся в нижнеудинском говоре с различными залоговыми аффиксами, показал, что многие из них получили новое лексическое значение. В говоре не зафиксирован взаимный залог, который присутствует в ОХ. Рассмотрим подробнее зафиксированные случаи:

Страдательный:

НУД: =*та*/=*тэ*/=*то*/=*тө*, =*да*/=*дэ*/=*до*/=*дө*. **ОХ:** =*та*/=*тэ*/=*то*/=*тө*; Общомонгольский показатель страдательного залога, но тоже образовал ряд глаголов с иным, чем в исходной форме, лексическим значением, например: *онта*= ‘сдаваться, брать’; В ОХ, данный глагол зафиксирован в форме *абтагдахо*= ‘сдаваться’, т.е. здесь употребляется двойной аффикс страдательного залога. В НУД, *күртэ*= ‘хватать’, ‘подходить по количеству или размеру’; В ОХ, данный глагол зафиксирован в значении ‘удостоится’. В современном монгольском языке значение глагола *автах*=и *хүртэх*= совпадает с НУД формой.

НУД: =*гда*/=*гдэ*/=*гдо*/; **ОХ:** =*гда*/=*гдэ*/=*гдо*; общемонгольский аффикс страдательного залога, образовал в говоре единицы слов с иным значением, например: *шүүгдэ*= ‘проигрывать’; В ОХ данный глагол нами не обнаружен. В ОХ, *гээгдэ*= ‘умереть’; В НУД, данный глагол зафиксирован в значении ‘потеряться’; *харагда*= ‘виднеться’; Значение этого глагола, в обоих идиомах совпадает.

Взаимный:

НУД: =*лда*/=*лдэ*/=*лдо*/; **ОХ:** =*лда*/=*лдэ*/=*лдо*; общемонгольский показатель взаимного залога; наряду со словоформами типа *алалда*= ‘убивать друг друга’; В ОХ, данный глагол зафиксирован в этом же значении; *караалда*= ‘ругаться между собой’; В ОХ, данный глагол не зафиксирован; *кубаалда*= ‘делить между собой’; в ОХ этот глагол, зафиксирован в форме взаимного залога, с тем же значением. Выявились случаи, когда присоединение данного аффикса не меняет значение лексемы, но придает лишь, по всей вероятности, некоторое видовое содержание обычности совершения действия, да и то не всегда, например: *эрыйилдэ*= ‘крутиться, поворачиваться, повертываться’; В ОХ и ЛБ этот глагол зафиксирован в том же значении; НУД: *дуукалда*= ‘кончаться, завершаться’; в ОХ и ЛБ этот глагол не зафиксирован. Примеры употребления этой формы в говоре: *күдмэримни дууһалдаа*= ‘моя работа кончилась’, *энэ үбэлэи дууһалдана убо* ‘эта зима не кончается’, *каньдүүл-*

да ‘свисать, висеть, болтаться’ ср. СТПМЯ *sanjilda*=; свидетельствуют, о том, что этот аффикс принимает в языке, видимо, статус словообразовательного аффикса, свидетельствуют случаи образования им глаголов непосредственно от именных основ, например: ‘*дэлда*’; в ОХ данный глагол отсутствует. *тухалда/тухулда* ‘помогать’; В ОХ, подобный глагол не наблюдается.

Побудительный:

НУД: =*лга*/=*лгэ*/=*лго*/=*лгө*; **ОХ:** =*лга*/=*лгэ*/=*лго*/; Общомонгольский аффикс побудительного залога, в говоре образовал заметное количество глагольных основ с иным лексическим значением, например: *бэлга* ‘устанавливать, ставить’ ср. СТПМЯ *bayilya*=; например: *сэ бэлга* ‘ставь чай’, *зула бэлга* ‘поставь свечку’; в то время как в ОХ употребительны выражение *цай таби* и *зула таби*, кои и употребительны и в ЛБ; НУД: *буулга*= ‘выгружать, сгружать’; В ОХ данный глагол зафиксирован с этим же значением: *энэ кубүүни кэн буулгахо бэ?* ‘кто спустит этого мальчика?; НУД: *хуулга* ‘вкапывать’ ср. СТПМЯ *sayilya*=; В ОХ, данный глагол имеет другое лексическое значение. Пример из эпического языка: *орондоо суулгаба би* ‘посадил на свое место’. Этот глагол со значением идентичным ОХ, зафиксирован и в ЛБ.

НУД: =*га*/=*гэ*/=*го*/=*гө*, =*ка*/=*кэ*/=*ко*/=*кө*; **ОХ:** =*га*/=*гэ*/=*го*/; Общомонгольский аффикс побудительного залога, образовал относительно немного глаголов с измененным лексическим значением, например: *күдэлгэ* ‘шевелить’; в ОХ данный глагол зафиксирован в том же значении. НУД: *муутка* ‘оговаривать, хулить’; в ОХ данный глагол не зафиксирован.

Приведенные нами примеры, показывают лишь небольшие различия в плане залога. Имеющиеся примеры показывают, что инновации характерны более для НУД, нежели для ОХ, что характерно для изолированных диалектов, находящихся под иноязычным влиянием. По всей видимости в НУД, не бытуют формы совместного залога, повсеместно замененные на формы со

ВЗАИМНЫМ ЗАЛОГОМ.

Вид

В работах по грамматике глагольный вид обычно определяется как выразитель характера совершения действия. Один из крупных советских лингвистов, чл.-кор. АН СССР Б.А. Серебренников, к этому добавляет, что видовые показатели «имеют тотальное распространение». Такой подход был взят на вооружение бурятоведом Ц.-Ж. Цыдыповым [Цыдыпов, 1972, с. 67], который пишет, что «глагольные виды имеют тотальное распространение в языке, чего не имеют видовые классы (способы действия).

Мнение о глобальности видовых показателей могло возникнуть под влиянием двух, совершенного и несовершенного, видов глаголов таких языков, как русский, в которых они и в самом деле всеобъемлющи, тогда как другие видовые образования в них, в частности в русском языке, не идут ни в какое сравнение с ними и поглощены этими двумя общевидовыми разрядами.

Подобные классификации, по всей вероятности, необходимы для языков с видовыми градациями, завершающимися наиболее обобщенной видовой корреляцией, охватывающей весь глагольный состав лексики, но едва ли они применимы для таких языков, как бурятский.

В бурятском языке, судя по известным нам фактам, имеются вовсе не всеохватывающие, а лишь частные видовые формализованные образования, созданные на базе значительного количества глагольных основ, в отличие от ограниченного количества слов с лексическим значением вида или, напротив, от неограниченной возможности свободного словосочетания с синтаксическим значением вида.

Глаголы бурятского языка *эхилхэ* и *захалха* 'начинать', сочетаясь с соединительным, разделительным или слитным деепричастием основного глагола, обозначают начало совершения действия, а глаголы *дууһаха* 'кончать', 'завершать', *дүүргэхэ* 'выполнять', 'оканчивать' или *илидүүрэхэ* 'оканчиваться', 'завершаться', сочетаясь с теми же деепричастиями, выражают конец действия: *Хабар боложо, саһан хайлажа эхилбэ* 'Настала весна, и начал таять снег';

Клуб соо һонин лекци болоод дүүрээ 'В клубе была интересная лекция и закончилась'.

Глаголы *байха* 'быть', 'стоять' и *һууха* 'сидеть', употребляясь с соединительным или продолжительным деепричастием, обозначают длительность протекания действия, а глаголы *орхихо* 'оставлять', 'покидать' и *хаяха* 'бросать', 'кидать', имея при себе соединительное или разделительное деепричастие, выражают завершенность происшедшего действия: *Цэдэн абга номоо уншаһаар байба* 'Дядя Цыден всееще читает книгу'? *һурагша гэрэйнгээ далгабари хээд хая- ба* 'Ученик мигом сделал свое домашнее задание'.

Нетрудно видеть, что указанные значения сложных сказуемых - начало или конец, длительность или завершенность действия - выражены семантикой еще не потерявших своего значения вспомогательных глаголов окончательной формы, вступающих в полусвободные сочетания с деепричастиями основного глагола, так что в этих и подобных случаях мы имеем дело с лексическим значением слова, а отнюдь не с грамматическим значением каких-либо видообразований.

Прав Ц.-Ж. Цыдыпов, когда не соглашается с Б.Х. Тодаевой, Г.Д. Санжеевым, Т. Пагвой и М.Д. Онджановой, усматривающими в интересующих нас глаголах выразителей категориально-видовых значений, и пишет, что "видовые понятия, передаваемые лексическим значением вспомогательных глаголов... не представляют собой определенной грамматической системы в бурятском языке". Но тот же Цыдыпов оказывается в плену своих аналитических конструкций, когда объявляет о наличии в бурятском языке: а' законченного вида, образованного "посредством аффикса разделительного деепричастия *-aad...* основного глагола, за которым следует вспомогательный глагол. Например, Баатар ном ун- шаад байна 'Батор книгу прочитав есть"; б' продолженного вида, образуемого "посредством аффиксов соединительного '-жа', слитного '-н' и продолжительного '*-һаар*' деепричастий основного глагола, за которым следует вспомогательный глагол... *Шуһа шоройень аршан байна...* 'Он... вытер кровь и грязь'... *Хүнүүд Мархансайтан тээшэ эндэ*

тэндэһээ... субаһаар лэ байна... 'Со всех сторон стекались людские потоки к дому Мархансаевых'? в' многократного вида, образующегося "посредством аффиксов многократного причастия *-даг*, так называемого однократного причастия *-гша* и постоянного причастия *-ааша:Баатар ном уншадаг байна, Баатар ном уншагшал даа, Баатар ном уншааша юм...* 'Батор 'обычно' читает книгу'; г' потенциального вида, который образуется "посредством аффикса целевого деепричастия *-хаа' -хая'* основного глагола, за которым следует вспомогательный глагол. Например, *Баатар ном уншахаа байна* 'Батор вот-вот станет читать 'книгу'""⁸¹.

Но все эти сочетания, выделенные Ц.-Ж. Цыдыповым [Цыдыпов, 1972, с. 80] как видовые конструкции, без особой натяжки могут быть вменены другими аналогичными сочетаниями с теми же видовыми значениями.

А. Законченность действия обозначается не только разделительным деепричастием основного глагола вкупе со вспомогательным глаголом *байха* 'быть', но и причастиями завершено-прошедшего и прошедшего времени основного глагола, которые могут сочетаться с глаголами *һууха* 'сидеть', *ябаха* 'ходить', *ошохо* 'идти', 'отправляться' и т.п.: *Баяр тэрэ номоо уншанхай һууна* 'Баир уже прочитал 'досл, 'прочитавший сидит' ту книгу'; *Минии нүхэр шүлэгөө сээжэлдэһэн ябана* 'Мой товарищ выучил 'доел, 'выучив, ходит ' стихотворение'.

В глагольном сочетании *уншаад байна* 'прочитал' 'досл, 'прочитав есть', представленном Цыдыповым как конструкция, обозначающая глагольный вид, а на самом деле выражающем прошедшее время, завершение действия обозначено разделительным деепричастием, т.е. деепричастием прошедшего времени. Поэтому и понятно, что последнее может быть заменено причастием завершено-прошедшего времени на *-нхай* или причастием прошедшего времени на *-һан* так как они синонимичны во временном плане.

Б. Продолжительность действия обозначается не только соединительным, слитным или продолжительным деепричастием основного глагола в сочетании со вспомогательным глаголом, но и прилагательным на *-нги*, выра-

жающим состояние, и вспомогательным глаголом: *Би тэрэ хэрэг тухай ханаагаа зобонги байнам* 'Я все беспокоюсь по поводу того дела'.

Эта замена возможна потому, что указанные формы деепричастия обозначают происходящее действие, ввиду чего они оказываются близкими к имени, подверженному действию, выраженному производящей основой.

В. Многократность действия обозначается не только многократным, "однократным" или постоянным причастием основного глагола в совместном употреблении со вспомогательным глаголом, но и повторением разделительного или особенно слитного деепричастия основного глагола с тем же вспомогательным глаголом: *Минии нүхэр ойлгоогүй юумээ багшаааа нуран нуран нууна хэн* 'Мой товарищ неоднократно задавал вопросы учителю обо всем, что было непонятно ему'.

Повторное употребление слитного или разделительного деепричастия основного глагола закономерно обеспечивает выражение многократности действия, поэтому смысл такого повтора оказывается идентичным причастию с соответствующим содержанием.

Г. Потенциальность действия обозначается не только целевым деепричастием основного глагола, употребленным вместе со вспомогательным глаголом, но и причастием будущего времени основного глагола с пожелательно-союзным словом *гэжэ* или прилагательным на *-маар*, выражающим возможность совершения действия, в соединении со вспомогательным глаголом: *Райком партиин секретарь город орохо гэжэ байна* 'Секретарь райкома партии собирается в город'; *Энэ кинокартинатнай яһала хараммаар байна* 'Эта ваша кинокартина вполне такая, что можно смотреть' [Цыдендамбаев, 1979, с. 119].

Мы не стремимся к перечислению возможно большего количества сочетаний, синонимичных так называемым видовым конструкциям глаголов в бурятском языке, предложенным Ц.-Ж. Цыдыповым; тем не менее думается, что приведенных данных достаточно, чтобы видеть не столько аналитическую, сколько синтаксическую спаянность всех этих сказуемых сочетаний.

ний с видовыми значениями законченности, продолжительности, многократности и потенциальности. Короче говоря, эти четыре видовых значения выражаются в бурятском языке *не* одними лишь сочетаниями, указанными Цыдыповым в своей работе об аналитических конструкциях, а еще рядом других сочетаний, приобретающих в предложении те же значения.

В числе сочетаний, приведенных Цыдыповым как аналитические видовые конструкции, действительно имеются некоторые аналитические формы, обозначающие время и лишь потому в известной мере и вид. Кроме того, есть основание сомневаться в том, что синтаксические возможности бурятского языка в разграничении видовых значений исчерпываются этими четырьмя рубриками, выделенными Цыдыповым. Во всяком случае, можно указать на то, что Цыдыповым отмечена продолжительность действия 'или, по его терминологии, продолженный вид', но пропущена кратковременность действия, обозначаемая слитным деепричастием основного глагола и вспомогательным глаголом *байха* 'быть' или *хууха* 'сидеть':

Би газезд харан байгааб 'Я начал было читать газету'? *Ши хажан хуубаш* 'Ты чуточку вздремнул'.

Таким образом, к числу глагольных видов не относятся видовые значения, заложенные в лексическом содержании первичных глаголов или выраженные синтаксическими сочетаниями. Из этого вытекает, что в бурятском языке видами должны быть признаны только те суффиксальные и слившиеся в неразложимое целое аналитические образования, которые обозначают особые свойства или спосрбы совершения действия.

Мы полностью согласны с Г.Д. Санжеевым, когда он отмечает, что "характерная особенность бурятского глагола - это то, что видовые значения выражаются только посредством специальных суффиксов, которые, следовательно, образуют специальные видовые основы глагола, не являющиеся первичными. Что же касается первичных и залоговых основ глагола, то они лишены какого-либо видового значения указанного рода".

Но трудно согласиться с Санжеевым, когда он делает вывод: "Поэтому глагольные основы, лишённые специальных видовых суффиксов, можно считать основами глаголов нейтрального или общего вида, в какой-то степени напоминающих собой некоторые русские глаголы типа велеть, женить, образовать, организовать, телеграфировать и т.п., употребляющиеся в значениях как совершенного, так и несовершенного вида". Возникает вопрос: чем вызвано такое противоречие? Нам представляется, что Г.Д. Санжеев, как опытный исследователь, верно уловив своеобразие выражения глагольных видов в бурятском языке, не рискнул идти вразрез с русской лингвистической традицией, согласно которой категория вида - основная грамматическая категория глагола, так или иначе охватывающая все глагольные формы, в том числе и самую глагольную основу. Таков русский язык, в котором "вид является наиболее сложной и развитой грамматической категорией.

Вместе с тем тот же автор указывает, что в некоторых языках вид выражен значительно слабее, а в тех языках, где отношение в характере протекания действия... передается посредством лексических или других неспециальных средств, вид как грамматическая категория отсутствует".

Глагольный вид слабо развит в монгольских языках. Не случайно монголоведы долго не решались выделять его. Несколько более развит он в бурятском языке. Тем не менее вид и в этом языке, обозначая способы и кратность совершения действия, во многом носит лексический характер. Грамматичность его заключается в том, что каждый вид в бурятском языке получил оформление путем вторичного глагольного образования.

Иное дело развитый вид в таких языках, как русский: он, как об этом говорилось выше, пронизывая глагольную лексику насквозь, грамматикализует ее и через посредство ее выражает характер 'или аспект' протекания действия, который в бурятском языке находит труднообозримое отражение лишь в синтаксических конструкциях.

Насколько можно судить по имеющимся данным, в НУД и ОХ могут быть выделены три глагольных вида.

Начинательный вид

Начинательный вид образуется из сочетания деепричастия с глаголом *начинаалка, закалка*- выражает начало, приступ к действию. В ОХ, им соответствует глагол *экилэку/экилэкэ*.

Прибавление к основному глаголу функционально - вспомогательного глагола *начинаалка, закалка* сообщает глаголу оттенок приближения к началу действия, оттенок непосредственного наступления действия в ближайшем будущем. Например:

Шидемни үбеши нашнаалаа – Начал
болеть зуб.

Зон дуугаралцаджи экилэбэ - люди ^{начали}
переговариваться

Начинательный вид выражает действие незавершенное, приступ к совершению того или иного действия, отсюда — результат действия остается еще неосуществленным: стали, начали ‘пытались’ совершать действие, но не достигли его результата. В этом плане исследуемые идиомы не обнаруживают различий.

Длительный вид

Длительный вид употребляется, когда говорящий желает подчеркнуть продолжительность, длительность течения действия. Значение длительного вида, вернее, оттенок продолжительности течения действия, придают основному глаголу вспомогательные глаголы, например, такие, как *нуука (кхуука, сууха)* ‘сидеть’, *ябахо* ‘идти’ *кентке* ‘лежать’.

Глагол-модификатор *суух* ‘сидеть’ в сочетании с деепричастием выражает действие, которое совершается, продолжается в определенный промежуток времени. Например:

Ямар улат янша кептне? ‘Какие люди идут?’ *Аморджи сууна* ‘сидя отдыхает’ *бододжи кэбтэнэ* ‘думая лежит’ *унтаджэ кэбтэнэ* ‘спит лежа’.

Завершенный вид

Вид завершенный (законченный) обозначает действие, которое завершилось, достигло определенного результата в своем завершении. В ОХ данный вид образуется сочетанием глагола-модификатора и основного глагола в деепричастной форме; как и вид начинательный, он образуется при помощи ряда аналитических конструкций, в которых главным из числа глаголов-модификаторов является глагол *дуусахо* — кончать, заканчивать. Например: *күбүүн годолихоноо киджи дуусаба* ‘мальчик закончил делать свой лук’; В НУД употребителен глагол *дуусалдака: күдмэрэз кижиги дуусалдаба* ‘закончили работать’.

Причастие

В современном бурятском языке причастия представляют собой группу таких форм глагола, которые совмещают в себе морфологические и синтаксические свойства как имени, так и глагола.^[1]

В морфологическом отношении причастия примыкают к именам постольку, поскольку они могут склоняться по всем падежам и принимать частицы личного или безличного притяжания, ничем не отличаясь в этом плане от любого другого имени. Однако причастия имеют категории залога, вида и времени и сохраняют обычное глагольное управление, благодаря чему они включаются в систему глагола. _

В синтаксическом отношении причастия характерны тем, что они в речи могут употребляться в качестве любого из членов предложения, например: 1) определения: *ябаһан хүн* ‘ходивший человек’; *ерэхэ жэл* ‘наступающий год’, ‘год, который придет’; *уншадаг ном* ‘книга, которую обычно читают’; 2) подлежащего: *ябаһаншни һайн даа* ‘хорошо, что ты пошел’; *ябахань биршоог, эдихэнь горшоог* ‘погов’. ‘работает ‘букв, ‘хождение’ на вершок’, а ест — ‘целый’ горшок’; *хүнэй гэртэ орохо дуулдаба* ‘послышалось, как кто-то вошел в юрту’; 3) дополнения: *ябахые хэн мэдээб?* ‘кто узнал, что ‘кто-то’ пойдет?’; *ерэкэндэнь баярлаа* ‘обрадовались его приходу’; 4) обстоятельства: *гарахадань харахаш* ‘увидишь, когда он выйдет’; *эндэ ерэхэнһээ боложо* ‘из-за того, что пришел сюда’; 5) сказуемого: *ябахаб* ‘я пойду’; *бороо ороо* ‘дождь пошел’; *һайн бэшэдэг* ‘пишет хорошо’.

В лексико-семасиологическом отношении причастия в бурятском языке характеризуются тем, что они в своем непредикативном употреблении, т. е. в качестве подлежащего, дополнения и особенно обстоятельства, чаще всего обозначают не субъекты действия, а действия как таковые в этом и состоит самое существенное отличие бурятских причастий от русских. Если, например, в русском языке «писавший виден» означает, что «виден тот, кто писал», то в бурятском языке *бэшэһэн харагдана* ‘более обычно: *бэ- шэһэни- инь харагдана*’ чаще всего означает — ‘видно, что писали’. Поэтому к бурят-

ским причастиям совершенно неприменимо школьное определение русских причастий как отглагольных прилагательных.

В модальном отношении все бурятские причастия нейтральны, т. е. находятся вне категории наклонения. Однако эти причастия в своем предикативном употреблении ничем не отличаются от изъявительных форм, если их рассматривать с точки зрения категории наклонения и не иметь в виду того, что они в этом случае могут сопровождаться связками, т. е. быть основным компонентом составного сказуемого. Поэтому бурятские причастия можно было бы определить как причастно-изъявительные формы глагола, имея в виду их разнобразные синтаксические функции и особовыделяя их предикативное определение. Но ради простоты и краткости изложения целесообразнее сохранить за этими формами глагола их традиционное наименование «причастия». К тому же следует иметь в виду, что бурятские причастия не могут считаться изъявительными формами в своем предикативном употреблении и потому, что они, во-первых, не могут принимать окончание множественного числа третьего лица -д, которое свойственно только собственноты-изъявительным формам, и, во-вторых, никогда не сопровождаются частицей отрицания *улэ'не'*, которая употребляется так же, лишь собственноты-изъявительными формами 'в литературном языке эта частица почти не употребляется'.

Следовательно, причастия в бурятском языке, как уже, говорилось, в морфологическом отношении совмещают в себе свойства как имени, так и глагола.

Причастие прошедшего времени оформляется тем же общепурятским показателем =*хан*, который имеет ту особенность в говоре, что в обыденной речи начальный согласный *-h* выпадает, как и в исходном падеже, хотя в то же время возможен вариант и с этим начальным *-h*, например: *шкоолоо дуудахан коэно* 'после окончания школы'. А. А. Дарбеева утверждает, что полный вариант этого показателя употребляется

лишь в фольклоре [Дарбеева, 1978, с.122-123]. Нам же приходилось слышать полный вариант и в обычной речи. Таким образом, можно констатировать для нижеудинского говора оформление причастия прошедшего времени, которое определяет лицо или предмет по действию, происходившему или произошедшему в прошлом, показателями *=һан...* и *=аан...*, например: *караһан/караан* 'видевший', *йабаһан/йабаан* 'ходивший', *ошаһан/ошаан* 'ходивший 'куда-либо''. В ОХ причастие давнопрошедшего времени образуется с помощью аффикса *=сан/=сон/=сөн/=сэн*. Часто после него употребляется вспомогательный глагол *ахуили баиикху*. Например: *анханаии баиисан аху* 'постоянно, видимо, жил; постоянно проживающий'.

Однократное причастие имеет показатель *=гша/=гшэ/=гшо*, как и в литературном бурятском языке и в других бурятских говорах. В ОХ имеет показатель *-гчи*. Нижеудинский же говор имеет в отношении этого показателя ту особенность, что он, по свидетельству А. А. Дарбеевой, в говоре не употребляется, заменяясь везде многократным причастием па *=даг...* [Дарбеева, 1978, с.123], т. е. нижеудинцы говорят не *йабагша*, а *йабадаг* 'идущий, ходящий' и т. п. В то же время мы часто встречали показатель *=гша*, но только в сочетании с глагольно-предикативной частицей *-һэн*, с которой он обычно сливается в один аффикс *=гшаан*, выражающий однократное прошедшее время, например: *йабагшаан* 'ходил', *кэлэгшаан* 'говорил'. Такое же, встречается в литературном бурятском языке, например: *ябагша һэн* 'ходил', *хэлэгшэ һэн* 'говорил'. В ОХ, с помощью аффикса *-гчи* могут образовываться как однократные причастные формы, так и многократные. Например: *манаиуда ирөгчи кем бээ?* 'Пришедший к нам, кто был?', в то же время *тэрэ күн манаиуда ирөгчи* 'Тот человек бывает у нас', *...гэджи бодокчи би* 'я думал что, ...'. В отличие от НУД, к показателю не присоединяется вспомогательный глагол *асан*.

Многократное причастие имеет в говоре показатель $=\text{даг}/=\text{дэг}/=\text{дог}$. В ОХ постоянное причастие с оттенком неоднократного действия образуется с помощью аффиксов $=\text{даг}/=\text{дог}/=\text{дэг}$, т.е. не имеет отличия от такого в НУД. Данное причастие характеризует предмет или лицо по многократному, часто совершающемуся действию, например: *йабадаг* 'часто ходящий', *йирдэг* 'часто приходящий', *зөөдэг* 'обычно', 'часто носящий', *болдог* - часто происходящий. В ОХ, *көлөлцөдөг асан* 'говоривали, *карбу-дак* 'часто стреляет', *байдак* 'бывает' и т.д. В ОХ, к данному показателю часто присоединяется вспомогательный глагол *асан*, что также встречается в литературном бурятском, но, судя по материалам, не встречается в НУД.

Причастие настояще - прошедшего времени, в НУД имеет показатель на $=\text{аа}$ ср. СТПМЯ $=\text{ага}/=\text{еге}$. Особенностью бурятского языка, признаваемой всеми монголоведами, является то, что в бурятском языке данная форма перешла в разряд форм прошедшего времени индикатива [Цыдендамбаев 1979, с. 129-130], поэтому ее следует исключить из числа причастных форм современного бурятского языка, поскольку словоформы типа *ябаа*, *ерээ*, *хуугаа* означают уже не 'идуший', 'приходящий», 'сидящий', а 'ушел', 'пришел', 'сел; сидел'. Аналогичная картина и в нижеудинском бурятском говоре [Дарбеева, 1978, с. 122]. Ситуация с переходом в разряд форм прошедшего времени повторяется и в ОХ. Причастие прошедшего времени образуется посредством аффиксов $=\text{аа}/=\text{оо}/=\text{өө}/=\text{ээ}/=\text{гаа}/=\text{гоо}/=\text{гөө}/=\text{гээ}/=\text{яа}/=\text{ео}/=\text{еэ}$. Например: *буудаа* 'стрелял', *цокёо* 'бил', *далаиигаа* 'размахнулся'. В обоих

Постоянное причастие имеет своим показателем в нижеудинском говоре $=\text{ааша}/=\text{ээшэ}/=\text{оошо}/=\text{өөшө}$, в ОХ образуется при помощи показателя $=\text{аачи}/=\text{ээчи}/=\text{оочи}/=\text{өөчи}$. Оно определяет лицо или предмет по постоянно происходящему действию, по действию как постоянно существующему им признаку, например: *мэдээшэ* 'знающий', *карааша* 'видящий', *зөөгөөшө* 'носящий, возящий'. В ОХ, *ирөөчи* 'приходящий'.

Причастие будущего времени оформляется показателем **=ка/=кэ/=ко/=кө**, присоединяемым к основе глагола. В ОХ причастие будущего времени образуется при помощи суффикса **=ху/=ха/=хо** или **=ку/=кө/=кэ**. Это причастие определяет лицо или предмет по действию, которое обязательно совершится в будущем, например: *манда йиркэ кун* 'человек, который придет к нам', *энэ йуумэ апка кун* 'человек, который возьмет эту вещь'. Это причастие может входить в составное глагольное сказуемое: **ябаху байху** 'может быть, съездит'.

Деепричастие

В бурятском языке деепричастия представляют собой группу глагольных форм, лишенных категории, времени и обозначающих такие действия, которые по отношению к основным действиям" являются либо сопутствующими, либо обстоятельственными,— отсюда и подразделение этих деепричастий на сопутствующие и обстоятельственные. В синтаксическом отношении все деепричастия объединены в одну общую группу тем, что они в предложении не могут быть определениями именных членов, подлежащими и самостоятельными 'или заключительными' сказуемыми, а применяются только в качестве обстоятельственных слов и несамостоятельных 'или незаключительных' сказуемых.

К сопутствующим деепричастиям, относятся соединительное, слитноёи разделительное, а к обстоятельным — условное и целевое 'деепричастие цели', к смешанным — предельное и продолжительное

Основная особенность сопутствующих деепричастий заключается в том, что они обозначают действия, которые сопровождают основные действия, либо будучи в той или иной степени параллельными с ними, либо с какой-нибудь стороны определяя и уточняя их, т. е. как бы отвечая на вопрос, каким образом протекают последние. В первом случае сопутствующие деепричастия оказываются несамостоятельными, незаключительными сказуемыми предложений, в том числе и сочиненных, а во втором —обстоятельствами образа действия 'тем самым напоминая собой деепричастия в русском языке'.

Сопутствующие деепричастия синтаксически употребляются в порядке либо сочинения, выступая в качестве несамостоятельных, незаключительных сказуемых, либо подчинения, оказываясь в положении обстоятельства образа действия.

Обстоятельные деепричастия тем существенно отличаются от сопутствующих, что они могут употребляться только в качестве обстоя-

тельствственных членов предложения, являясь обстоятельствами условия, цели, предела, образа, действия, времени и т.п.

Кроме того, если действие некоторых обстоятельствоственных деепричастий совершается не тем предметом 'исполнителем', который обозначен в подлежащем данного предложения, а каким-либо другим, то они чаще всего управляют именем в родительном падеже, выражающим исполнителя действия, или наращиваются частицами личного или же безличного 'возвратного' притяжания; этой синтаксико-морфологической особенностью сопутствующие деепричастия не обладают.

Большинство обстоятельствоственных деепричастий представляет собой образования именного происхождения, отсюда их способность управлять именами в родительном падеже и принимать частицы личного или безличного притяжания.

Среди деепричастий нижеудинского говора представлены в общем те же по сути дела деепричастия, которые имеются и в литературном бурятском языке, а также других бурятских говорах и вообще монгольских языках. Особенностью говора здесь будет лишь то, что большинство этих деепричастных форм получает в говоре несколько иное фонетическое оформление.

1) **соединительное деепричастие**, имеющее показателем =жа/=жэ/=жо. В ОХ, образуются при помощи показателя=джи/=чи. Например, *һуужа бээнэ* 'сидит', *гарчи очибо* 'вышел'. В НУД, имеет целый ряд фонетических вариантов. Этими вариантами являются: =ша/=шэ/=шо/=ши.

2) **слитное деепричастие** в обоих идиомах, имеют показатели =н. Например: *би тэр шубууйи алан алдабаб* 'я чуть было не убил ту птицу'; *Орон гаран бү баи* – 'Не ходи взад и вперед'.

3) **разделительное деепричастие**, образуемое показателем

=*aat*/=*ээт*/=*оот*/=*өөт*, =*гаат*/=*гээт*/=*гоот*/=*гөөт*. В ОХ, образуется показателями=*aad*/=*ээд*/=*оод*/=*өөд* и =*гаад*/=*гээд*/=*гээд*. Например, *йабаат* 'уйдя', *йирээт* 'придя', *ороот* 'войдя'. В ОХ, *чи* *намаасаа чигнаад абаа чи гү?* – 'Ты, наверное, от меня слышал'?

Обстоятельственные:

1) **условное деепричастие** с показателем =*бар*/=*бэр*/=*бор*/=*бөр*, который отличается произнесением согласного **-р** вместо **-л** литературного бурятского =*бал*/=*бэл*/=*бол*/=*бөл*, хотя встречается и вариант с **-л**. В нижеудинском говоре это деепричастие употребляется гораздо чаще, чем в литературном и восточных, а также западных говорах, поскольку в них оно заменяется составной формой =*aa* *наа...*, =*aa* *хадаа...*, =*aa* *бол-бол*. В ОХ, образуется при помощи показателей=*бал*/=*бол*/=*бэл*. Согласно материалам Б.Ринчена и текстам хамниганских ульгэров, также присутствует показатель =*хула*/=*кула*, например: *мэдэку акула көлөку асан би*'если бы я знал, то рассказал бы', *мэдэку йума байкула йарику асан би*'если было бы что рассказать, то рассказал бы'. Соответствует =*qula*/=*küle* письменного монгольского, который больше присущ западномонгольским диалектам и калмыцкому языку.

2) **деепричастие цели** с показателем =*кайаа*/=*кэйээ*/=*койоо*, который соответствует ОХ =*ха^агаа*/=*кэ^агээ*, тоже образующему целевое деепричастие. Например, *цоких^оицгоо санаа* – хотел ударить. Обе формы восходят к монгольско-письменному *...*qu-yi-ban*.

Смешанные деепричастия:

3) **предельное деепричастие** с показателем =*тал*/=*тэл*/=*тол* (= *тар*/=*тэр*/=*тор*) например: *гартал*'пока не выйдет', *унтатал*'пока не уснет', хотя в то же время встречается и показатель =*сар*. В ОХ образуется показателями =*тар*/=*тэр*/=*тор*. Примеры: *арбан дигэтээ болторомни*'пока мне не исполнится девятнадцать' В НУД, также встречается показатель =*са*/=*сэ*/=*со* '< *ца', присоединяется главным образом к звукоподражательным глаголам, например: *зүгээ каньтинаса нииткэ* 'пчела летит с

жужжанием', дословно: 'летит, так что жужжит'.

4) **Продолжительное деепричастие** с показателем **=haap/=hээр/=hoop/=hөөр**, зачастую теряющим начальный -h- в положении после согласного, например: *кура ороор бээна*- а дождь все идет и идет, *тэрэ кубуун йаба йабаhaар 'йабаар' бээна*- а мальчик все идет и идет. ОХ использует те же показатели, **=саар/=сээр/=соор/=сөөр**, например: *цаигаа уусаар ла сууна* – сидит, попивая чай.

На основе вышеприведенных примеров можно с уверенностью заявить, что исследуемые идиомы в плане деепричастных аффиксов не имеют семантических различий. Имеющиеся примеры показывают лишь небольшое фонетическое расхождение.

Время

Формы изъявительного наклонения в нижеудинском говоре в основном те же, что и в литературном бурятском языке и других бурятских говорах, в то же время они имеют общемонгольский характер. Так, в говоре зафиксированы следующие формы индикатива:

Настояще - будущее время с показателем =*на*/=*нэ*/=*но*/=*но*, например: *ошно* ‘идет’, *гарна* ‘выйдет’, *дирнэ* ~ *йирнэ* ~ *ирнэ* ‘придет’, *кэлнэ* – ‘скажет’, *мэднэ* ‘знает’, *зөөнө* ‘везет’. Как и в императиве 2-го лица ед. ч., здесь тоже употребляется краткая форма основы без краткого конечного гласного основы. В НУД и в ОХ эта форма изменяется по лицам, т. е. спрягается. Спряжение в говоре, как и в литературном бурятском языке и остальных бурятских говорах, осуществляется за счет присоединения к показателю этой формы особых лично-предикативных частиц, произошедших от личных местоимений. Частицы эти следующие:

Единственное число

	Бур. НУ	Онон. хам.
1 – ое лицо	- <i>п</i> / - <i>м</i> ‘< <i>би</i> ’	- <i>би</i>
2 – ое лицо	- <i>ш</i> ‘< <i>ши</i> ’	- <i>чи</i>
3 – ее лицо		

Множественное число

	Бур. НУ	Онон. хам.
1 – ое лицо	- <i>бди</i> / - <i>мди</i> ‘< <i>бидэ</i> ’	- <i>бидэ</i>

2 – ое лицо	- <i>m</i> ‘< <i>та</i> ’	- <i>та</i>
3 – ее лицо		

Как мы видим, в НУД и ОХ, отсутствует лично – предикативная частица для 3 – го лица множественного числа, присутствующая в литературном бурятском.

Настоящее конкретное время, происходящее в момент речи, выражаемое аналитической конструкцией, составленной из значимого глагола, стоящего в форме соединительного деепричастия, и одного из служебных глаголов – бээ ‘быть, находиться; стоять’ и кэптэ= ‘<кэптэ’лежать; ложиться’, - которые указывают здесь лишь на нахождение субъекта в состоянии совершения какого-либо действия. Эта же аналитическая конструкция является в то же время формой выражения длительного вида. Особенно явственно этот вид проявляется в формах прошедшего и будущего времени. В настоящем времени она оформляет действие/состояние, протекающее именно в момент речи. Спряжение по лицам происходит по приведенному выше образцу, причем лично-предикативные частицы присоединяются непосредственно к служебным глаголам, стоящим в форме настоящего-будущего времени с показателем =на... Примеры: *Би куурдаш бээнэп* ‘Я играю на’; *Ши каана һуржа бээнэп?* – Ты где учишься?, *Каста-каста улат йашиа кэптнэ* Везде люди живут. Спецификой нижеудинского говора в данном случае является полная формализация глагола *кэптэ* ‘лежать’; ложиться и использование его наряду с давно уже формализовавшимся глаголом *бэд* для образования форм длительного вида и настоящего конкретного времени. А. А. Дарбеева считает его “...наиболее употребительным вспомогательным глаголом... ‘в отличие от ЛБ и других говоров’... Примеры: *Йамар улат йашиа кэптнэ?* ‘Какие люди здесь бывают?’; *Кура оршо кэптнэ* ‘Дождь идет’; *Күлөө угаашиа кэптнэ* ‘Моеет ноги’. В этих примерах нет никакого намека на медлительность или

за- труднение в процессе действия ‘ср.: *Күн гүйдши кэптнэ* “Человек бежит”’. Глагол *кэптнэ* не утратил своего значения “лежать”, но в сочетании с соединительным деепричастием он выполняет роль грамматического показателя в большей степени, чем *хэптэнэ* в ЛБ. Это объясняется тем, что *кэптнэ* в НУД сочетается с любым основным глаголом независимо от смыслового содержания последнего и не срачивается с ним, тогда как *хэптэнэ* в ЛБ, сочетаясь с немногими глаголами, придает им определенную смысловую направленность. Происходит это потому, что *хэптэнэ* даже в роли вспомогательного глагола не утратил своего смыслового значения и это мешает ему сочетаться с любым глаголом”.

Стоит отдельно упомянуть о глаголе *кэптнэ*. Такое развитие функции глагола *кэптэ-*, ставшего чисто служебным весьма активным элементом, можно объяснить, на наш взгляд, влиянием соседних саянских тюркских языков, с которыми в лице тофаларского языка активно контактировал нижнеудинский бурятский говор, поскольку, как уже отмечалось выше, у нижнеудинских бурят издавна были самые тесные связи с тофаларами. В саянских тюркских языках, в частности в тофаларском, как раз и наблюдается широкое использование в аналогичной аналитической конструкции для выражения настоящего конкретного времени в качестве служебного элемента именно глагола *чыът-* - лежать; ложиться; гораздо менее применяются глаголы *тур* ‘стоять’, *олур-* - сидеть, *чору=* - идти [Рассадин, 1978, с. 204-208]. По-тофаларски говорят, например, *бары чыътыры* - идет туда, уходит, *кел! чыътыры* - идет сюда, приходит, *чип чыътыры* - ест, *чоруп чыътыры* - ходит. Здесь тофаларский глагол *чыътыры* ‘букв, “лежит”’ функционально полностью соответствует нижнеудинскому бурятскому *кэптнэ* ‘букв, ‘лежит’ [Рассадин, 1999, с. 55]. Прошедшее время с показателем =*ба*/=*бэ*/=*бо*, который восходит к общемонгольско древнейшему аффиксу *=*ба*/=*бе*/=*бай*/=*бей*, зафиксированному в этом виде в старописьменном монгольском языке всех периодов, в средневековых письменных памятниках. В современных монгольских языках он гармонирует по составу гласных гла-

ГОЛЬНЫХ ОСНОВ.

В нижеудинском говоре, как и в литературном бурятском языке и других бурятских говорах, эта форма спрягается по лицам при помощи тех же лично-предикативных частиц, что и в формах настоящего времени. При этом и здесь в говоре употребляются сокращенные глагольные основы без обычных для бурятского языка конечных кратких гласных. Примеры:

Бур. НУ.	Онон. Хам.
Би орбоп	Би орбаа би
Ши орбош	Чи орбаа чи
Өөн орбо	Тэрэ орбаа
Бид орбобди	Бидэ орбаа бидэ
Та орбот	Та орбаа та
Өөт орбо	Тэдэ орбаа

Прошедшее время на =*aa...*, восходящее к причастию настоящего прошедшего времени как и в литературном бурятском языке и других бурятских говорах. Гармонирующими показателями данной формы везде в бурятском языке, в том числе и в нижеудинском говоре, будут =*aa*/=*ээ*/=*oo*/=*өө*, -*гаа*/=*ээ*/=*гоо*/=*гөө*. В халха-монгольском данный показатель имеет значение настоящего времени. В нижеудинском бурятском говоре это очень частотная форма прошедшего времени. Используется она с лично-предикативными частицами, при помощи которых происходит спряжение, например:

би гараап	бидэ гараабидэ
ши гарааш	та гараата
өөн гараа	тэрэ гараа

Будущее определенное время с показателем =*ка*/=*кэ*/=*ко*, являющимся показателем причастия будущего времени. В ОХ реализуется при помощи аффиксов =*ка*/=*кэ*/=*кү* и =*ха*/=*хэ*/=*хү*. Спряжение глаголов в данном времени происходит при помощи присоединения тех же лично-предикативных частиц, например:

би мэткэп	бид мэдэкэ'ү'бидэ
ши мэткэш	та мэдэкэ'ү'та
өөн мэткэ	тэрэ мэдэкэ'ү'

Такое предикативное употребление формы причастия будущего времени с лично- предикативными частицами характерно для всех бурятских говоров и литературного бурятского языка. В нижеудинском говоре это тоже весьма частотная форма.

Следует отметить наличие в нижеудинском бурятском говоре особой формы интенсива с показателем =*ыгти*, =*гти*, =*ги*/=*ть*, который присоединяется к основе глагола перед суффиксом наклонения. Употребляется этот показатель для выражения интенсивно-завершенного или завершаемого действия со всеми временами. Примеры: *эдиттикэ* - съест, *ууттика* - выпьет, *куртибэн* - я достиг, *залуу болтеэбди* - мы помолодели, *Ууровень знааниинь тэкишэ болыттеэ* - Уровень их знаний сравнялся, *асрыттиба* - принес, *Нэгэ тэрбэгэр картуус ашыттеэн* - Я купила какую-то кургузую фуражку, *Ужээ халбар би нэрээ гээттинэм* - Уж если разведусь, то потеряю свое имя.

Как можно видеть из примеров, вариант этого показателя =ЫЙТТИ не гармонирует с ос-новой глагола. Ср. еще *абыйттеэ* - взял, *гарыйттеэ* - вышел, *йирыйттеэ* - пришел. Особенно явно это проявляется с формой прошедшего времени на *-аа...*

В литературном бурятском языке этой нижнеудинской форме соответствует показатель =жархи/=жэрхи, произошедший от слияния соединительного деепричастия на =жа/=жэ и служебного глагола орхи=. Ср., например, лит.-бур. *асаржархиба* - принес, *ерэжэрхибэ* - пришел.

Категория наклонения.

В основе категории наклонения лежит модальность, т.е. выражение отношения высказывания к действительности. Правда, модальность находит отражение в языке через посредство не только глаголов того или иного наклонения, но и модальных частиц, слов, фразеологии и интонации.

Наклонение представляет собой грамматическую категорию глаголов, имеющих специальные формы и выражающих отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим. Однако выражение такого же отношения присуще и логической категории модальности. Поэтому между этими категориями должна быть проведена четкая грань. Если логика призвана установить реальность или нереальность действия по отношению к действительности, то наклонение маркирует в формах глаголов лишь нереальные, т.е. необходимые, желательные, возможные, предположительные, действия.

Тем не менее европейское языкознание, в том числе и русистика, традиционно выделяет индикатив ‘прямое, или изъявительное, наклонение’, к которому относят временные глагольные формы под тем предлогом, что они выражают реальность действия.

Основываясь на языковых фактах, в НУД и ОХ можно выделить следующие глагольные наклонения.

Повелительно – желательная форма 1 – го лица или волевое наклонение. Пропозитивная, или так называемая волюнтаривная, форма 1 – го лица в НУД, имея общее значение с соответствующей формой в других диалектах и говорах бурятского языка. Выражается при помощи аффикса $\bar{u}$ ‘<*h $\bar{u}$ < s $\bar{u}$ ‘*-su $\bar{u}$ ai’’. Примеры: *ошууб*вм. *ошоһууб*, *каруун*вм.*хараһууб*,*ошуубди* вм.*ошоһуубди*. В ОХ имеет форму =суу/сүү. Примеры: *болсуу би*‘лит. – бур.: *болоһууб*’, *кэлсүү би*‘лит. – бур.: *хэлэһүүб*’, *бидэ гарсуу бидэ*‘лит. – бур.: *бидэ гараһуубди*’. В данном случае, форма в НУ ближе к литературной, за счет того что в так же выступает полная основа.

Повелительно – пригласительная форма 1 – го лица или призывное наклонение. Форма на *уā/уē* является общемонгольским суффиксом волюнтарива, но в разных монгольских языках он выступает в различных вариантах. В НУД употребляется в форме аффикса = *ī* ‘долгий’ ‘как в цонгольском, эхиритском, и в разговорном халхаском’. Примеры: *амарый, явий, очый*. К этому форманту присоединяется форма множественного числа = *bde*: *амарыйбде, ошыйбде*. Пригласительная форма 1-го лица в ОХ образуется при помощи суффикса -я ‘-е, -ё’: *хадая даа* ‘давайте-ка приступим к косьбе’, *наадая* ‘будем играть’, *гүиие* ‘побежим’.

Повелительные формы 2 – го лица единственного числа или повелительное наклонение. Таковая не отличается от соответствующей в других монгольских языках. В НУД, как в ЛБ, не имеют специальных морфологических показателей, но в отличие от последнего в НУД наблюдается редукция гласного в ауслауте. Примеры: *дiр, бот! Jir нэшиаа!* В ОХ, представляет собой основу глагола: *бүү дуугара! Үтүр гара!*

Повелительно – желательная форма 2 – го лица множественного числа или императивная форма повелительного наклонения, оформляется так же, как в литературном бурятском, т.е. посредством аффикса *γtī* ‘< *γtui < *γtun’. Примеры: *үглээ ерэгты, нуугты эдеэлхэе!, быы ошокты!, быы үй-дакты*. В ОХ же, образуется с помощью суффиксов =*gm^aии* ‘=*gm^yии, =gm^yии*’ и =*уул* ‘=*үүл*’: *наасха+уул = наасхуул*.

Повелительно – желательные формы 3 – го лица в НУД имеют значительные отклонения от литературного бурятского и других монгольских языков. В НУД он имеет форму аффикса = *taγāγ*, = *taγāη* ‘< *tuγāi + aγ’, из которых только =*taγāγ*, есть в говоре ольхонских эхиритов. Примеры: *өөн д’иртегээк!* ‘< *öbesün iretügei + aγ’, *өнөөдөр ошкобее, амаратагаан*. Форма на = *taγāη* ‘=*tegēη*’, предполагает действие которое должно совершиться в настоящий момент. Аффикс присоединяет к себе личную частицу *ta*, при выражении множественности, и имеет форму: *тоолтгоом* ‘< *toγalatuγai ta’, *зуртгаат* ‘< *jirutuγai ta’. Также наблюдается формант на *g/k*. Встречается

редко. Примеры: *бы гелдерек! гелдерек ле!* В ОХ, наоборот, чаще употребляется формант на *g/k*, формант на *-түг^аии* '*-түг^гии*' употребляется реже.

Форма с аффиксами=*каӯ*, =*кеӯ*, в отличие от хоринского причастия цели – хаая '*< *quya, küye*' имеет название действия безотносительно ко времени, т.е. имеет значение инфинитива. Иначе говоря, *janкаj̄*, означает просто 'идти', но не 'для того чтобы идти'. Примеры: *одоо күдээ янкабооп, картоошкоёо малтакаяа наада; тиикээ нильзяа;*

Приведенные нами примеры показывают что НУД имеет некоторые отличия от ОХ, равно как и от ЛБ, однако сходные с некоторыми западно-бурятскими говорами.

Заключение

Проведенный анализ показал что указанный идиомы в отношении глагольной морфологии имеет общемонгольскую и общепурятскую основу, и не имеют существенных различий между собой. Характер этой основы показывает, что общепурятская основа глагольной морфологии сложилась по крайней мере, 400 лет назад.

Найденные нами различия в глагольной морфологии незначительны и затрагивают лишь отдельные детали. Общие черты выявляются практически во всех аспектах глагольной морфологии.

По сравнению с ОХ, НУД обладает различиями, которые обусловлены тюркским 'тофаларским' влиянием, однако они не затрагивают основной базис глагольной морфологии.

Анализ глагольных основ, употребляющихся в нижеудинском говоре с различными залоговыми аффиксами, показал, что многие из них получили новое лексическое значение. В говоре не зафиксирован совместный залог, который присутствует в ОХ.

Приведенный в работе сравнительно-сопоставительный анализ глагольной морфологии не позволил установить достаточно высокую степень расхождения между изученными идиомами. В результате исследования были выявлены общие черты почти во всех исследованных пунктах. Расхождения в сравниваемых идиомах объясняются прежде всего наличием тех или иных фонетических и грамматических явлений и процессов, произошедших под влиянием, прежде всего, самостоятельного их развития.

Список сокращений

НУД – нижеудинский диалект

ОХ – ононско-хамниганский

МХ – маньчжурский хамниганский

ЛБ – литературный бурятский

СТПМЯ – старописьменный монгольский язык

Библиография

- 1) Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики. // Восточноазиатский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР, 1960.
- 2) Грунтов И. А. Хамниганский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия: в 3-х томах / Редколлегия: В. А. Виноградов, Э. Р. Тенишев, В. М. Солнцев, А. М. Шахнарович, Е. А. Поцелуевский, Г. А. Давыдова; Рецензенты: О. А. Казакевич, Т. Б. Крючкова; Институт языкознания РАН. — М.: Наука, 2005. — Т. 3 (С—Я). — С. 293-301. — 608 с.
- 3) Дамдинов Д. Г. Улигеры олонских хамниган. Новосибирск: Наука, 1982. — 272 с.
- 4) Дамдинов Д. Г. Этнолингвистический очерк хамниганского говора // Исследование бурятских говоров. Выпуск 2. Труды Бурятского Института общественных наук БФ СО АН СССР, Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1968. — 192 с.
- 5) Дарбеева А. А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта (На материале монгольских языков). Москва, 1978. — 209 с.
- 6) Долгих. Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. Москва, 1960. — 616—617 с.
- 7) Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Выпуск 2, Санкт-Петербург, 1883. — 313 с.
- 8) Патканов. С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. Ч. I, вып. 2, СПб., 1906. — 86, 184, 185 с.
- 9) Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. Москва: Наука, 1981. — 200 с.
- 10) Рассадин В. И. Становление говора нижеудинских бурят. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 1999. — 159 с.
- 11) Санжеев Г. Д. Фонетические особенности говора нижеудинских бурят. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-

- Тувинской Народных Республик и Бурятской АССР. Л., 1930. Вып. 8
- 12) Годаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1951. – 195 с.
  - 13) Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко – сравнительном освещении. Москва: Наука, 1979. – 148 с.
  - 14) Цыдыпов Ц.-Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
  - 15) Урай-Кёхальми К. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган. «Краткие сообщения Института народов Азии», Москва, Издательство «Наука», 1964.
  - 16) Мишиг Л. Монгол Ард Улсын зарим нутгийн хамниган аялгуут сурвалжилсан нь. Олон улсын монголч эрдэмтний анхдугаар их хурал. Улаанбаатар, 1959.
  - 17) Ринчен Б. Монгол Ард Улсын Хамниган аялгуу. Улаанбаатар хот: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1968. – 116 с.
  - 18) Castrén M. A. Versuch einer Burjätischen sprachlehre nebst kurzem wörterverzeichniss. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1857. – 245 s.
  - 19) Castrén M. A. Grundzüge einer Tungusischen sprachlehre nebst kurzem wörterverzeichniss. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1856. – 140 s.
  - 20) Käthe U.-K. Der mongolisch-khamniganische dialect von Dadal sum und die frage der mongolisierung der tungusen in der nordmongolei und transbajkalien // «Acta Orientalia. Academiae Scientarum Hungaricae», Budapest: Akadémiai Kiado, 1959.
  - 21) Shimunek A. US-Mongolia Field Research Fellowship Program Final Report: Description and Documentation of Mongolian Khamnigan Mongol, Bloomington, 2007.
  - 22) Janhunen J. Khamnigan Mongol // The Mongolic languages, London and

New York, Routledge, 2003.– 433 p.

- 23) Tsumagari T. A Basic Vocabulary of Khamnigan and Oluguya Ewenki in Northern Inner Mongolia // Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures Hokkaido University, 1992.

Исследование хамниганских диалектов некоторых местностей Монголии.

Несмотря на то что, с начала научного изучения тунгусо-маньчжурской ветви урало-алтайских языков, прошло более 100 лет, можно сказать, что не было даже схематичного описания хамниганского языка – одной ветви тунгусо-маньчжурских языков. Из востоковедов только Талько-Грынцевич, проезжая по землям Иройских хамниган, делал заметки по антропологии и быту, но не делал заметок по их языку. Два года назад венгерская ученая К. Урай-Кёхальми и ученый из Бурятии Цыдендамбаев записывали хамниганский диалект, однако их статей нет до сих пор.

В начале июля 1959 года, я отправился в места компактного проживания хамниган Хэнтэйского аймака. В колхозах Хэнтий, Дадал, Биндэр, я в короткие сроки записал материал по следующим пунктам:

- 1) Места проживания хамниган
- 2) Легенды о происхождении местных хамниган
- 3) Следы настоящего хамниганского языка
- 4) Современный язык хамниган северо-востока Монголии

Эти материалы я собрал и напечатал в одной небольшой статье.

1) Места проживания хамниган

Во времена правления династии Цин, хамниганы образовывали три группы, которые проживали в Тушету-ханском аймаке (у реки Иро), в Цэцэн-ханском аймаке, а так же хамниганы хошуна жонон бэйсэ (князь-принца). Скорее всего, большинство из них и ныне проживают там. Иройские хамниганы до сих пор живут в прежних местах. По местам который я ездил, хамниганы правой стороны живут с Бальжихана до мест-

ностей Буххун, Агуца, Хэрэн(Хэр), Бэрц, Харулга, Гарулга, а хамниганы левой стороны до реки Талаца, по северной стороне реки Онон. Друг друга они называют по местностям где они живут. Благодаря помощи нашему правительству, на фоне улучшения жизни, происходят социальные революционные изменения в сельской местности. Благодаря развитию промышленности и образования, быт, живущих охотой, хамниган, начал неузнаваемо изменяться. Кто-то из них присоединился к колхозу, кто-то начал работать на фабрике, некоторые же вообще расселились по разным местам, и живут поближе к сомоному центру. Изменения не ограничились только бытом: из-за смешенного проживания с халхамонголами, язык молодого поколения переживает сильное влияние письменного языка.

Основные места проживания хамниган хэнтэйского аймака. Колхоз Биндер и его окрестности, местности Их тал (Мянган модот), Гурван манхаадай, Сэруун тал, на северной стороне реки Онон. В этих местностях проживает около 60-70 семей. Также в местности Шаазгай, колхоза Биндер, также есть небольшое их число. Сомон Дадал и его окрестности: старый центр сомона, местность Гурван нуур, река Угалзар. Всего в вышеперечисленных местностях живет около 100 семей. На запад от центра сомона Хэнтэй, по реке Хурха жило около 30 семей, так называемых Солборских хамниган, однако сейчас они почти все, разъехались по разным местам. Со слов Нурзэда, жителя местности Гурван Манхаадай, в сомоне Баян-Адрага проживают около 30 семей, по сравнению с другими полностью охалхасившихся хамниган. Многие из встреченных мной хамниган, говорили также о хамниганах племени Үзээн, живущих в аймаке Чойбалсан, в сомонах Баян-Уул, Цагаан-овоо, Дашбалбар.

В связи с этим, можно привести песню услышанную мной от Дугарсурэна, Чимидцэрэна, Цэрэна, жителей сомона Хэнтэй и Дадал.

Dzajaŋ dzajá dzajálá

Dzalaŋ nowó miní gü^e

Badom badó bodóló

Badoŋ nowó miní gü^e

Najan najánajálá

Najan nowó miní gü^e

Эта песня о далекой стране на юго-востоке, с обильной растительностью, и по словам информантов, является их родиной, на которую нужно вернуться. Старшее поколение обучает детей этой песне. Все люди задаются вопросом, а действительно ли эта хамниганская песня? По сведениям информанта из сомона Дадал, 74-х летнего Бадамын Дамдина, это песню поют и хамниганы, и буряты. Подоплека этой песни заключается в истории, когда некий бурятский хунтайжа, взял жену по имени Балжин из местностей Верхней Монголии (т.е. район современного Кукунора), и на обратном пути, у подножья хребтов Хингана, подверглись нападению хамниган из племен улят и намят. После этого, бурятский Бабжа барас баатар отомстил им и уничтожил большую часть из них. Названия Dzaja, Nowo – Nab, Joɣo являются названиями рек и гор севернее Амдо, то есть эта песня о родных местах Балжин хатан.

Скорее всего родина хамниган совершенно в другом месте.

2. Родовые легенды местных хамниган

Расспрашивая с информантов о племенах хамниган северо-востока Монголии, некоторые говорили о том что, они часть маньчжуров ушед-

шая на север. Некоторые говорили о том что, в «послечингисовское» время, 15 человек хамниган были направлены на охрану границ Монголии, от которых пошли 15 племен хамниган. Некоторые говорят о том что они (хамниганы) пришли с юго-востока. Из записей востоковедов, ясно что хамниганы – часть маньчжуров, поскольку хамниганы Монголии зовут себя «эвенки».

До сих пор немало хамниган помнят свою племенную принадлежность. Например: Цэрэнгийн Цэвэг из колхоза Дадал, принадлежит к племени Гуригха Сартуул, 96-летний Мөнхийн Цагаан – из племени Хатагин Сартуул, 74-летняя Хорлоо – из племени Дулигаад. Информант Бадамын Дамдин рассказал что когда он был маленьким, то старики говорили о 15 племенах хамниган, 10 из которых кочевали на северной стороне Хингана, а 5 у истоков Амура. Он вспомнил названия только 7 племен: 1) Uliád 2) Харă Namiád 3) Šară Namiád 4) Gabunak 5) Solón barγa 6) Šiψšin barγa 7) Daγúr barγa. Его слова подтвердил 63-летний Цэрэнгийн Цэвэг из колхоза Дадал, добавив к вышеперечисленным 3 племени: 8) Daγúrхаᠭ 9) Duliγad 10) Galatsă. Также он добавил, что под управлением князя Гантимура были племена сартулов, проживавших у истоков Амура. Эти племена: 1) Gabuᠭха Sartúl 2) Bá^qхаšil Sartúl 3) Modoryon Sartúl 4) Bambatiᠭ Sartúl 5) Xatigin Sartúl. Все вместе они составляли 15 племен. Однако 71-летняя Жавын Содном из колхоза Дадал, перечислила другие названия 15 племен: 1) Хангид 2) Хуланга 3) Буянту Сардул 4) Сүлэнхэн 5) Багшинер 6) Сартуул 7) Дзамала 8) Халдзангуд 9) Бархашил 10) Бодонгууд 11) Гучинханнуд 12) Хатикин 13) Нэптэн 14) Модоргон 15) Кэндэ. Исходя из этих названий, видны их следы не только в исторических событиях 13-го века, но и в их смешивание с другими монголами. Например, племя Хангид, возможно есть племя Хангин которое встречается у южных монголов. Кроме этого оно зафиксировано у западных бурят и в их шаманских призываниях. Несколько племен с составля-

ющей «сартуул», впервые встречается на Чингисовом камне, и скорее всего есть племя «сартуул», одной из части халха-монголов. Из – за тяжелых условий одно племя видимо назвали как Гуриных сартуул. Бодонгууд – одно из племен хори-бурят. Глава рода хатигин сартуул был из рода «хатигин», из – за этого данное племя называется «хатигин сартуул». Поскольку хамниганы называют шамана «багши», то название «багшинэр» скорее всего означает «шаманы». Эти племенные легенды могут дать хороший материал для этнографов, по этой причине я и дал небольшой обзор.

3. О следах «настоящего» хамниганского языка

Каждый из 30 информантов, был опрошен на предмет знания «настоящего» хамниганского. Все из них ответили, что язык знали их дедушки и бабушки, а сами они помнили лишь отдельные фразы на неизвестном языке, но не знали их точного значения. От информантов старше 60-ти лет мы записали около 40 слов. В процессе записи, информанты отвечали, долго думая перед этим, причем многие из них были произнесены с монгольскими аффиксами: *kotšikon nĩ ʎonrów ~ katšiqán ʎanʎarátši ~ katšikán ʎonród ~ хатšixán ʎanʎarxaw*. Эти фразы информанты перевели как: собака лаяла, собака лает, собака будет лаять, щенок лает. Кроме этого встретились даже люди которые считали что слова *tšiyán úx, qadasun, siroj*, что несомненно служит доказательством того, что хамниганы утратили свой язык еще в древние времена. Мы записали около 40 слов, которые мы сравнили с языками баргузинских эвенков, хамниганским языком Барги, и маньчжурским письменным языком:

Монгольский	Хамниганский (Монголия)	Баргузинский	Хамниганский (Барга)	Маньчжурский
-------------	----------------------------	--------------	----------------------	--------------

		ЭВЕНКСКИ й		
баавгай, ӨТӨГ	amirixán	амикан	amixán	amakan
НЭГ	ëmün	умун	emün	emü
ЭМЭЭ	ëmëkën	-	-	emeken
гурав	ilan	илан	ilan	ilan
нохой	inakun	-	ninaxin	indaxun
дусалж байна	öförtsödžë ni	-	-	-
хөвгүүн	ütë	-	üte	-
чоно	γarijuxa	-	-	-
дөрөв	ganγa~γon γo	ГОВО-КОЛ	-	γuwambi
ТОМ ХУВИН	deign	ДИГИН	-	düjin-düin
ууж	diwün	-	-	-
ид -	jëfkë	-	džeke	tükü
чана - , тавь -, халаа -	jölóköl	йен – кел ила-кал	-	džembi

арав	džán	яаан	-	džüwan
найм	džaxin	-	džaxun	džakun
ид - , барь -	džafxal	йен-кел	džafxă	džayambi
ТОМ хувин	džuwún	-	-	-
МОДОН байшин	džümëgjě	-	džúy	džüman
хоёр	džür	džúr	džúr	džüwe
зурам	dzumbará	-	džunbará	džümara
НОХОЙ	katšikan	качикāн	xašixan	-
ТОМ ТОГОО	kalalmi	калакачā н(!?)	-	-
ЮМ, ЮМАА	kěltëred	-	-	-
ЯМАГТ, ҮРГЭЛЖ	moton	-	-	-
ДОЛОО	nadan	-	nadan	nadan
УУ -	namsal	-	-	-
ЗУРГАА	ninün	-	ninün	ninggün
АЗАНА,	soloxol	сулā-кел	-	solombi

дээшил -				
аяга, тагш	takši	такши	-	-
шилээвэр	tanaibün	-	-	taimin
чандага (туулай)	toksaxi	тукшакī	-	-
авдар	tóxon	-	-	-
тавь -	töfkil	тоф-кел	túná	-
тав (баавгай дотор өөх)	túná xutí	тунна (хуките)	-	sündža
цайгаа	tšajá (tšaj- á!?)	чаж	-	tšai
мах	üldë	улле	ülde	-
ес	üjün	-	újún	üjün

Исходя из этой таблицы, можно сделать вывод что хамниганы являются частью тунгусо-маньчжуров, и что следы прежнего языкового единства до сих пор не исчезли. Кроме этого, следует вывод что хамниганский, по-видимому, является западной ветвью тунгусо-маньчжурских языков. Большинство из записанных нами слов сходятся со словами диалекта баргузинских эвенков, из чего может следовать вывод, что в прошлом, хамниганы и баргузинские эвенки могли составлять языковое единство. Эти слова в практически вышли из употребления в речи монгольских хамниган.

Современный язык хамниган

Хамниганы забывая свой настоящий язык, со временем, по языковому признаку, стали говорить на одном из своеобразных диалектов монгольского языка. Начиная где-то с 13 по 14 века, начав говорить на монгольском, они сохранили особенности среднемонгольского языка. Поэтому, местных хамниган можно назвать носителями среднемонгольского, однако лишь в некоторых отношениях. Ясно, что собранные нами материалы по современному языку хамниган (несколько песен, фразы, анекдоты), не смогут показать всех его своеобразных особенностей, но их достаточно для первого обзора по фонетике. Поэтому наша следующая цель, скрупулезно изучить лексику, фонетику и синтаксис хамниганского диалекта, поскольку количество его носителей уменьшается.

Некоторые наши ученые ошибочно считают, что хамниганы говорят на бурятском. Хамниганы не говорят как на бурятском, так и на халхаском, они говорят на особом языке, несущий сильные следы среднемонгольского. В лексике встречаются русские заимствования, такие как: цулки, пилтаа, вийл, гараавэль, истакан, однако остальной лексический фонд полностью монгольский. Слушая разговор хамниган между собой, в их речи прослеживается влияния бурятского диалекта.

В диалектах хамниган северо-востока Монголии выделяются следующие фонемы: а, ё, і, о, и, ө, ү, 8 долгих гласных: á, ä, ё, í, ó, ú, ő, ũ и 5 дифтонгов: ai, oi, ui, üi, ёi. Насчитывается больше 20 согласных: b, b_x, w, γ, ɓ, k, g, k, d, dž, dz, j, l, m, n, ŋ, p, r, s, t, p, x, q, q^x, ts, tš, š. Согласный β, в инлауте, располагаясь перед глухим согласным, произносится не размыкая губ, слышится глухо и поэтому был помечен как b. Согласный “г” в начале слов “гол, газар, гадас” и т.д., помечен γ, в непервых слогах как ɓ, f является щелевым глухим звуком встречающийся перед t, s, š. k встречается перед гласной і или перед согласными t, s. Слова начинающиеся на q (q^x), x встречаются перед всеми гласными кроме і, чем пока-

зан пример того как читается письменный – монгольский знак q . q^x произносится перед всем гласными, кроме i , в непервых слогах, что и показывает хамниганский язык. Среднемонгольский комплекс $iy-a$ в словах вроде *takiy-a*, *tariy-a*, в хамниганском произносится как *takä*, *tar'ä*. Приведем некоторые особенности хамниганского диалекта в сравнении с монгольским письменных языком.

- 1) Современные письменные *хар*, *хадах*, *хонь*, *бух* в хамниганском произносятся как *qara*, *qadiq^xu*, *qoni*, *biq^xa*, что идентично материалам письменных монгольских памятников.
- 2) Современные письменные *зохих*, *дохих*, *хязгаар*, *хялгас*, *хяр*, *хязаалан* в хамниганском произносятся как *dzokiq^xu*, *dokiqu*, *kidžăbăr*, *kilyásŭ*, *kir-a*, *kidžalang*, т.е. почти одинаково с письменным монгольским.
- 3) В большинстве своем, в хамниганском диалекте, вообще отсутствует звук *x*, в большинстве случаев он заменен звуком *k*. Например, *kükü~kükë*, *ükër*, *küŋ*, *kikü*, *dzürkë*, *këŋ*, *kürëŋ*, *köwüŋ~küwüŋ*. Показанные примеры показывает что монгольский письменный *j* в хамниганском произносится аффрикатой *dz*.
- 4) Современные письменные *чоно*, *чөдөр*, *чандага*, *шүд*, *шар*, *нутаг*, *шөл*, *нүд*, *шүлс*, *жаргал*, *чадах*, *жагсаал*, *шүлүүс*, *шавар*, в письменно-монгольском пишутся с гласной *i*, что наблюдается и в хамниганском: *tšino*, *tšidür*, *tšindaɣa*, *šidü*, *šira*, *nituk*, *nidü ~ n'üdü*, *silö*, *silüsü ~ šilüs*, *džirɣal*, *tšidaq^xu*, *džiksál*, *šilüs*, *šibar ~ šiwar*.
- 5) Письменный *s* монгольского письма, в некоторых диалектах произносится как *d* или *t*. Например, *уушги*, *нисэх*, *өмсөх*, *бөс*, *босох*, в хамниганском произносятся как *útki*, *nídkü*, *ömödkü*, *büd*,

bodq^xu~bodxu.

- 6) Письменный e, в хамниганском сильно сдвигается назад, и приобретает качества звука, нечто среднего между e, ö, что особенно сильно проявляется в начале слова. Например, enë, ëndë, tëndë, dzë, tëmë, dër.
- 7) Современные письменные слова такие как, *бараг*, *борлог*, *сарлаг*, *төлөг*, *ургагч*, *өндөр*, *нутаг*, *хайнаг*, *мөргөх*, *мухар*, *хулгана*, *хуралга*, в хамниганском произносятся с соблюдением закона сингармонизма, т.е. как *baruk*, *sarluk*, *tölüge*, *uryuktši*, *öndür* ~ *ündür*, *nituk*, *qajinuk* ~ *xainuk*, *mörgükü* ~ *mürgükü*, *muq^xur* ~ *тихур*, *qulγuna* ~ *хулγуна*, *quralγa* ~ *хуралγа*. Здесь мы наблюдаем соблюдение закона сингармонизма.
- 8) В халхаском диалекте, гласные непервого ряда практически не слышатся, или слышатся неясно. В хамниганском же, все гласные, по сравнению с халхаским, произносятся гораздо отчетливее, и поэтому мы не применяем знак краткости. Это явление в хамниганском совпадает с материалами среднемонгольского. Например: *küriḡën*, *quriḡa* ~ *xuriḡa*, *ükërëḡë*, *surḡadži*, *baridži*, *mëndë*, *këlëkü*, *kilajiq^xu* ~ *kilaixu*, *küdülmüri*, *kikü*, *uq^xuna* ~ *ихуна*, *γurba* ~ *γurwa*, *džira*, *dala*, *naja*, *jërë*, *γunadzi*, *dönödži*, *kira*.
- 9) Современные письменные слова начинающиеся на *ja*, и которые в классическом письменном языке начинались на *i*, в хамниганском произносятся так же: *indzaḡa*, *intsaḡana*, *inak*.
- 10) В хамниганском диалекте северо – востока, наблюдается явление незаконченности образования дифтонгов, что похоже на такое явление в среднемонгольском. Например, современные *ойр*, *хойлиг*, *байна*, *хойно*, *зүйдэл*, *найм*, в хамниганском произ-

носятся как *ojira*, *qojiluk*, *bajina*, *qojina*, *džüjidel*, *najima*, что особенно проявляется в говоре Бальжиханских хамниган.

<i>Современное написание</i>	<i>Современное произношение</i>	<i>Монгольское письмо</i>	<i>Бальжиханские хамниганы</i>
ойр	oerö	oyir-a	ojira
хойлиг	xoelok	qojiluy	qojiluk
байна	baenă	bayina	bajina
зүйдэл	dzüidel	jüyidel	džüjidel
найм	naemă	nayiman	najima

Из таблицы видны различия в произношении. Из явлений схожих с современным языком, стоит отметить идентичность развития долгих гласных и дифтонгов, а также *ŋ* в ауслaute.

В самом хамниганском диалекте, наблюдаются небольшие различия между говорами, но не у меня не хватило времени на их исследование, и на исследование языка узоон хамниган сомонов Баян-Уул и Цаган-Ово, аймака Чойбалсан, поэтому сейчас сложно сказать о говорах хамниганского диалекта. По сведениям информантов Сухэ, Лувсан из Биндэрского сомона, Цэвэга из Дададьского сомона, хамниганский диалект делится на 1) Цамхагский, Балжиханский, Хярхунский и Агуцаевский говора, 2)

Берц, Хэр и Сумендийский говора, 3) говор Узээн хамниган, что подтверждалось другими хамниганами. Тем не менее, важно подтвердить или опровергнуть эти сведения на основе научных исследований. Между тем, в говорах Берцэ, Хэр, Сүмэнд, наблюдаются довольно сильные различия. Например, хамниганы Ехэ тала произносят звук q , q^x перед всеми гласными, кроме i , в то время как хамниганы Бэрцэ, Хэр, Узоон, произносят x . Таким образом, носители говора ставшие произносить письменномонгольский знак q , как x . Хамниганы местностей Цамхаг, Балжихан произносят слова *dalai*, *noqhoi*, *тобоi* с дифтонгами, но в других местах дифтонги не смогли сложиться полностью, как в словах *ajimak*, *ojira*, *qojiluk*, *sajin*. Хамниганы Бэрцэ, Хэр и племени Узээн произносят образовавшиеся дифтонги например *aimak*, *oiră* ~ *oir*, *hoiluk*, *sain*. Говоры *Qa* говорят *šira*, *šidülün*, а говоры *xa* как *tsara*, *xaširak*, кроме этого наблюдаются различия в аффиксах прошедшего времени. Примером может служить выражение *Dzātërë xan küwün Altan xatantai baibxá*, в которой применена письменная форма *baiba aqu*-а. Из-за того что, хамниганы живут смешано с бурятами и халха, а также из-за того что молодое поколение обучается на халхаском диалекте, пишет на нем, а также вступает в браки между собой, стало трудно различать какие-либо говоры между собой. Сегодняшний же язык хамниган представляет собой неоднородную картину. 79-летний Цэвэгийн Гатав, хамниган местности Сүмэнд, сказал что говоры Сүмэнд и Агуца близки между собой, однако в его речи не удалось услышать звук q , более того он постоянно употреблял звук x , в словах как *xëftënë*, *xidzalan*, *xüxë*. Речь 80-летней Цэсмаа, хамниганки местности Агуца очень схожа с речью хамниган Балжихана. Скорее всего причина в том что, носители этих говоров давно оторвались от родного говора и подверглись влиянию другого говора. Неоспоримо то что научное изучение хамниганского, внесет вклад в монгольскую диалектологию, и позволит прояснить некоторые исторические моменты изменения монгольского языка.

Хамниган монгольский

Хамниганский - это язык монгольской группы на котором говорит население, известные как хамниганы или «конные тунгусы» (также «степные тунгусы») Забайкалья. Исконная территория хамниган включает бассейны Онона и Аргуни в северо-восточной Монголии и северо-западную Маньчжурию. Точнее, большая часть исторически записанного населения хамниган, скорее всего, были сосредоточены на территории, лежащей между основными бассейнами Онона и Аргуни, а также рек, таких как Онон-Борзя, Улирэнгэ, Нижняя Борзя, Средняя Борзя, и Верхняя Борзя. С точки зрения истории монгольский хамниган занимают наиболее важный регион, так как именно здесь, где Чингис хан родился и начал объединение монгольских племен в мировую империю.

После падения Монгольской империи территория хамниган осталась в северной периферии Монголии и Китая, пока в середине семнадцатого века, она не перешла в восточную сферу расширяющейся Российской империи. В 1654 русские установили форт Нерчинск, который стал административным центром источника Амурской области, известной россиянам как Даурии. Хамниганы были впоследствии названы «нерчинские тунгусы». Официально хамниган приняли российское подданство, под началом влиятельного племенного вождя Гантимура (Gantumur), чья русифицированные потомки, известны как князи Гантимуровы, которые позже были как наследственными правителями хамниган до советских времен.

С семнадцатого до начала XX века большая часть хамниган жила в российской сфере, интенсивно взаимодействуя с забайкальскими казаками, а также бурятами. В то же время, однако, неизвестное число хамниган жили на монгольской стороне границы, в северной части современного Хэнтэйского аймака. После Гражданской войны в России, значительная часть российских хамниган пересекла Аргун вместе с казаками и бурятами, в так называемый регион Трехречья в северной части Барги (Bargu). Большинство из этих эмигрантов хамниган ныне сосредоточены в бассейне маленькой реки Мэргэл,

где они живут в самоуправляемой административной единице, официально известной как Эвенкийский автономный сомон, Старо-Баргутского хошуна, который, в свою очередь, , принадлежит Хулун-Буирскому аймаку Внутренней Монголии, Китай.

Тот факт, что русские традиционно определяли хамниган как «тунгусов», не случайно. Аналогичным образом, современная этническая администрация Китая классифицирует хамниган как «эвенки». Это, в конечном счете связано с тем, что Хамниган в качестве этнической группы являются конгломератом монгольских и тунгусо-маньчжурских элементов. Двойная принадлежность Хамниган легко проследить в их социального происхождения (клан состав), но, что еще более важно, это проявляется и в их наследственном двуязычии, который предполагает параллельное использование двух родных языков, с одной стороны монгольским, а другой тунгусским. Сам термин хамниган (kamnigan: Пл Kamnigad) это монгольское название для эвенков.

С лингвистической точки зрения, обе языка хамниган это две отдельные идиомы. В то время как монгольский язык их может быть идентифицирован как хамниган - монгольский, тунгусский язык может быть назван термином хамниган - эвенкийский. Однако более пристальный взгляд на его таксономические свойства показывает, что хамниган – эвенкийский не является языком в полной мере этого слова, но является частью общего диалектного изменения северно-тунгусского эвенкийского языка. Хамниган - монгольский, с другой стороны, не может рассматриваться как диалект любого другого монгольского языка. Кроме того, с социолингвистической стороны, хамниган-монгольский является доминирующим языком общины хамниган, а хамниган-эвенкийский (в двух диалектных разновидностей) используется только внутри семей среди части населения.

Хамниганы в прямом смысле могут быть определены как люди говорящие на хамниган-монгольском языке. Значительная часть этих людей также свободно говорит на хамниган-эвенкийском. Говоря о первом и втором

языке в этом случае некорректно, так как оба языка учился в родной общине, в раннем детстве. Не известно, как долго это двуязычие существует, но историческая информация позволяет предположить, что явление длится уже несколько веков. Есть, однако, свидетельства того, что община хамниган всегда включила части (кланы и физические лица) знающие только хамниган - монгольский. В условиях аккультурации, даже хамниган - монголы имеет тенденцию отступать в пользу других языков, в частности бурятского, халхаского и русского языка.

Из-за таксономической путаницы относительно этнического положения хамниган, невозможно оценить точное число хамниган – монгольских и их динамику в прошлом. Хотя число людей, зарегистрированных в российской статистики, как «конных тунгусов» достигало 25, 000 лиц в конце девятнадцатого века, вполне возможно, что никогда не было более 5, 000 хамниган. Даже эта цифра пошла быстро вниз, и сегодня есть несколько тысяч хамниган осталось в России, в то время как ситуации в Монголии неизвестна. Однако, хамниган на китайской стороне, несмотря на его официальный статус как "эвенки", остается лингвистически энергичным и продолжает говорить как на хамниган - монгольском и на хамниган - эвенкийском. Текущий размер этой популяции можно оценить в 2, 000 человек.

ДАННЫЕ И ИСТОЧНИКИ

Хамниган - монгольский не был признана в качестве отдельного монгольского языка до недавнего времени. Для большинства ранних путешественников в Забайкалье, хамниган – монгольский по-видимому представлялся как локальный вид монгольского языка, возможно как вариант монгольского на котором говорили «тунгусы». Материалы по Хамниган – монгольский язык, в том числе слова и фразы, можно найти в начале путевых заметках под общим ярлыком «монгольский» , или «даурский». Хамниган-монгольский также присутствует на ранних картах Даурии , где большинство топонимов несут несомненные черты хамниганского. Многие из этих топонимов все еще находятся в официальном использовании, даже для населен-

ных пунктов в настоящее время они доминируют над русскими или бурятскими названиями.

Хамниган - монгольский является доминирующим языком двуязычных хамниган, он проникает также в хамниган – эвенкийский на всех уровнях языковой структуры, особенно в лексике. Это было замечено, кстати, в хамниган - эвенкийском, который впервые стал объектом лингвистических полевых исследований, в том числе и М.А. Кастрена основе его эвенкийской (тунгусской) грамматики (Кастреном 1856) по диалектам «нерчинских тунгусов», среди которых он остался в 1848 году. Кастрен не работал над хамниган - монгольским, и он, возможно, не понял, его статус как отдельный монгольский язык. Тем не менее, собранная им эвенкийская лексика им полна заимствований из хамниган - монгольского, предполагая, что его информанты бегло также на этом языке.

Первый ученый который специально исследовал хамниган - монгольский, был Ц. Жамцарано, который в 1911 году собрал образцы языка и фольклора от нескольких информантов в Российском Забайкалье. Его материалы, однако, осталась неопубликованными, пока Д. Дамдинов (по происхождению хамниган) не подготовил сборник эпических сказаний, которые до сих пор остается единственным опубликованным сборником текстов на хамниган – монгольском. Дамдинов также опубликовал ряд описательных работ о языке хамниган и их этнической истории (Дамдинов 1962, 1968, 1988, 1993). Другие исследования по этнической истории хамниган, иначе называемый "конных тунгусов" включают А.С. Шубин (1973) и А. М. Решетов (1986).

На монгольской стороне, материал, по хамниган – монголам, был собран в 1950-х и 1960-х годах Каталиной (Кете) Кёхальми (1959), а также Л. Мишигом (1961) и Б. Ринченом (1969). К сожалению, с тех пор не было, ни одного одного исследования монгольских хамниган. Кёхальми (1964, 1981) также внесла свой вклад в понимание этнической истории хамниган. В Китае, материал для хамниган - монгольского и хамниган - эвенкийского, на котором говорят эмигранты в бассейне Мэргэл, были собраны с конца 1980-х

годов (Янхунен 1990, 1991). Он также работал над таксономическим статусом хамниган – монгол, а также по двуязычию хамниган (Янхунен 1992, 1996).

Таксономическое положение.

Вывод по которому хамниган – монгольский отделяется от других монгольских языков основан на оценке сходства и различия, которые существуют между хамниган - монгольским и его ближайшими соседями, в частности дагурским, бурятским, и монгольским. В этом контексте, хамниган – монгольский характеризуется уникальным свойством, тем, что он является самым консервативным монгольским языком сегодня. Хамниган – монгольский просто не имеет тех всех инноваций, которые повлияли на соседние языки, со времени среднемонгольского языка. С некоторым преувеличением, хамниган – монгольский можно считать остаточной формой среднемонгольского.

Обосновать консервативность хамниган – монгольского легче всего на базе своих фонологических характеристик. Есть только восемь таксономически соответствующих фонологических инноваций, которые отделяют хамниган – монгольский от прото – монгольского. Четыре из этих инноваций являются общими с дагурским, бурятским, и современным монгольским: (1) потеря интервокальных * x, (2) ассимиляция * e-ï в *ö-ü, (3) ассимиляция * O-A в * O-O, и (4) нейтрализация финального * n и * ng. Одна инновация, наблюдается также в бурятском и монгольском: (5) потери начального *x; одна инновация также появилась в дагурском языке: (6) нейтрализация *i(x)e и *i(x)a в (éé) ; и две инновации являются специфическими для хамниган - монгольского: (7) ассимиляция *A(x)U в *OO , и (8) ассимиляция * U(x)A в *OO .

В то время как дагурский, бурятский, и монгольский характеризуются множеством других фонологических инноваций, хамниган – монгольский остается в целом не подверженным им. В этом отношении, однако, есть небольшие диалектные различия. Хамниган – монгольский можно разделить на два основных диалекта, которые могут исторически отождествляться с насе-

ленными пунктами Урульга (Urul'ga) и Маньково (Man'kovo), соответственно. Принципиальное отличие этих диалектов является то, что диалект Урульги включает три важных инноваций, которые обычно считаются влиянием бурятского: (9) переход *s и *d в d, (10) интервокальное ослабление (десибиллизация) из *s в h(x) и (11) парадигматическая нейтрализация *ö и *ü в * ü (u). Было бы, однако, неправильно классифицировать Урульгинский диалект хамниган – монгольского как архаичный вид бурятского, ибо есть еще много разных черт, чем объединяющих черт между двумя идиомами. Значительно более вероятно, что диалект Урульги имеет подвторичное, и, возможно, даже совсем недавний, период бурятского влияния, которая внешне дистанцировался от диалекта Маньково. Следует отметить, что диалект Маньково также связан с бурятским двумя особенностями, в том, что она стремится заменить две специфически хамниганских инновации путем (7а) ассимиляции *A(x)U и в *UU, и (8а) ассимиляции из *U(x)A в *AA. Эти особенности, однако, есть и в монгольском, и не исключено, что диалект Маньково был под влиянием последнего. В целом, ареал хамниган – монгольском казалось бы, мог сделать его естественным партнером для любых инноваций, распространяющихся с запада (Бурятия), юг (Монголия), или на восток (Дагур). Более того, известно взаимодействие с немонгольским языком на севере (эвенкийский). Любопытно, что хамниган – монгольский имеет все таки устойчивость к внешним воздействиям. Эта ситуация только сегодня изменяется под растущим влиянием доминирующих языков, в частности бурятского и монгольского (халхаский и хорчинский), а также русского и китайского.

Данное исследование основано на языке хамниган, проживающего в бассейне реки Мэргэл, идиома, которого также может быть названа Мэргэл-хамниганский. Таксономически, Мэргэл-хамниганский принадлежит, в более широком контексте диалекту, Урульги. Двуязычие широко распространена, в то время как влияние других монгольских или не монгольских языков по-прежнему минимально. Литературная среда современного письменного мон-

гольского, который, в силу своей архаичной орфографии, соответствует во многих деталях с фактическим произношением хамниганского. Однако присутствуют значительные различия между Мэргэл хамниганским и письменным монгольским, в лексике и в морфологии.

Лексика

Ареальное положение хамниган-монгольского хорошо отражено в лексиконе. В случаях, когда бурятский и монгольский показывают различные семантику или деривационные события, хамниган – монгольский обычно следует бурятскому. В некоторых из этих случаев это может быть вопрос инноваций, как *tarikī*/голова (монгольский "мозг"), *hamagan*/жена (монгольский "старуха"), *ilaahun*/летать (монгольский *ilaха/овод), но хамниган - монгольский и бурятский сохраняют больше исходного состояние, например *kübüün*/сын (потеряно в монгольском), "вечер" *udesi* (обособился в монгольском). Есть также некоторые лексические единицы, которые заверены только в бурятском и хамниган - монгольском, в частности слово «народ» *jon*.

Архаизм хамниган – монгольского еще более очевиден из лексических единиц, которые в собственно монгольском пережили спорадические фонологические инновации, например 'мужчина, человек' *kuun* (монгольский *küxün > *kün), *huni* 'ночь' (монгольский *soni > * китайский), *saarhu/n* бумаги (монгольский **saarsu/n* > **caasu/n*), *nilbuhu/n* 'слеза' (монгольский **nilbusu/n* > **nulmusu/n*), *mulihu/n* 'лед' (монгольский **mölisü/n* > **mösü/n*), *ucugul-dur* 'вчера' (монгольский *öcegel - dur > *öcige -dur). В этих случаях бурятский обычно также отражает исходное состояние, тем не менее, в то же время, он претерпел другие (обычные) инновации которые отсутствуют в хамниган - монгольском.

Для исторической диалектологии монгольского, лексические единицы, которые показывают неправильные фонологические инновации разделяемые хамниган – монгольским и бурятским представляют особый интерес. Такие лексемы сделать, действительно, существуют, но они не многочисленны. Возможные примеры *küüged* "детей" (*к>г, ср. монгольский **keüke.d*) и

degel 'пальто' (*x > г, ср. монголо * dexel < * depel). С другой стороны, во многих случаях невозможно определить, какая сторона в конечном счете более инновационна. Например, gajaa (<*gaja-ха <<*gadi-ха) «снаружи» и jосоо (<*doco-хо << *doti-ха) «внутри» (монгольский * gadaха и * dotаха) показывает особое развитие в хамниган – монгольском и бурятском, но разница в отношении к монгольскому собственно, кажется, возвращается к первичным изменениям в прото - монгольском.

Само собой разумеется, что хамниган-монгольский также испытал вторичные лексические влияния как со стороны бурятского, так и со стороны монгольского. Это технически отличается от унаследованной родном лексиконе только тогда, когда они показывают фонологические особенности нехарактерные для хамниганского. Заимствования, связанные с социальными и технологическими новшествами и часто принимаются через монгольскую письменность, что означает, что они автоматически получают более архаичный вид, чем в современном монгольском. Например ulus 'страна', kũbiskal 'революция'. Некоторые не - технические предметы, однако, достигли хамниган – монгольского устно, например, bas "также", ср. хамниган - монгольский баһа «все еще» (< * basa).

Основными источниками немонгольских лексических элементов являются русский и китайский. Русские элементы преобладают в досовременном слое культурной лексики, например, 'свинья' ciuske, kartoobka 'картофель' , istool 'стол', laampa 'лампа', в то время как источник аналогичных статей китайский (мандарин) , например suuliu 'пластик' (также исконный kũika), pangku 'бутылка вакуума' (также исконный kaloon haba). В некоторых случаях, возможно, что около 100 русский и китайских слов проникли в хамниганский при посредничестве других монгольских языков, например masiin ' машина' (из русского) , songko/n «окно» (из китайского) .

В связи с двуязычием у хамниган, наиболее интенсивны контакты с эвенкийским (хамниган-эвенкийский). Любопытно, что, помимо структурного вмешательства в прошлом, существует очень мало эвенкийских элементов

в обыденном хамниган-монгольском. Лексический влияние передается почти исключительно из хамниган-монгольского в хамниган-эвенкийский, но не наоборот. Эта ситуация, без сомнения, свидетельствует о присутствии доминирования хамниган - монгольского как языка всего хамниган.

Для двуязычных хамниган, он должен, тем не менее, иметь практическое значение, что хамниган - монгольский и хамниган – эвенкийский распространяют большое количество лексических единиц. Некоторыми из них являются основные грамматические слова, например *bi* 'Я', *gü* [вопросительные частицы], чья диахроническая интерпретация все еще может быть оспорена. Большинство из них, однако, однозначные заимствования, передаваемые из монгольских в тунгусскими во время последовательности исторических периодов контакте. В самом последнем слое, хамниган-монгольские слова просто используются в качестве таковых в хамниган-эвенкийском, но в более старых слоях наблюдаются различия, с помощью которых для можно наблюдать различия в диахронии обоих языков в частности, и языковых семей в общем.

Перевод статьи Ю. Янхунена из сборника «The Mongolic languages», 2003, London and New York.